

Г.Ю. Любарский

МОРФОЛОГИЯ ИСТОРИИ

МОСКВА 2000

Георгий Любарский

**Морфология истории.
Сравнительный метод и
историческое развитие**

«Товарищество научных изданий КМК»

2000

Любарский Г. Ю.

Морфология истории. Сравнительный метод и историческое развитие / Г. Ю. Любарский — «Товарищество научных изданий КМК», 2000

ISBN 978-5-87317-079-7

Книга иллюстрирует применение незаслуженно забытого сравнительного метода в глобальных и частных исторических исследованиях. Сложное взаимодействие исторических процессов всемирного характера, таких, как вестернизация, с особенностями отдельных обществ, определяет конкретную морфологию истории – те формы развития обществ, которые мы наблюдаем. В результате морфологического изучения истории обнаруживается, что психологические особенности людей меняются от эпохи к эпохе. Следствием этих душевных изменений оказываются многие социальные, политические, экономические процессы, и именно с ними связана периодизация истории человечества. В связи с закономерным изменением характеров участвующих в историческом процессе людей, цивилизаций изменяется и устройство общества на каждом историческом этапе. В книге рассматривается взаимодействие частей современного общества: культуры, государства, экономики. Морфологический подход к истории позволяет исследовать несостоявшиеся варианты истории, характеризовать те исторические возможности и развилки, которые имели место в прошлом и ожидают нас в будущем. Книга адресована историкам, философам, социологам, культурологам, политологам и широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-87317-079-7

© Любарский Г. Ю., 2000
© Товарищество научных изданий
КМК, 2000

Содержание

Предисловие	6
Глава I	7
Глава II	27
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Г.Ю. Любарский

Морфология истории. Сравнительный метод и историческое развитие

Предисловие

Эта книга родилась из интереса к живому пониманию истории, и написана она не как научная работа. И причина этого не только в том, что в ней не рассматриваются непосредственные первоисточники, что является показателем профессионализма в историческом труде. Нагружать книгу справочным библиографическим аппаратом оказалось бессмысленным, поскольку не способствовало большей понятности изложения и не делало само изложение менее спорным. Так же трудно сказать, что в книге нового. Почти все мысли, в ней высказанные, уже высказывались многими другими людьми, – и в то же время нельзя сказать, что они тривиальны. Это скорее книга читателя, чем писателя: я очень хотел разобраться в том, о чем повествует нам история человечества, но не смог найти полный образ того, что я искал, в существующей литературе. И тогда я начал писать книгу, которая выстроилась не по странам или датам, не по историческим периодам или лицам, – она выстроилась согласно ходу мысли. К некоторому моему изумлению мысли эти выстроились не совсем так, как этого можно было ожидать. Но я не стал им мешать.

Глава I

Методика исторического исследования: сравнительный метод

Сравнительный метод в историческом исследовании. – Собственное время.

Сравнительный метод в исторических исследованиях применялся, можно сказать, всегда. С другой стороны, полномасштабное применение этого метода не было достигнуто. К XIX веку применение сравнительного метода считалось само собой разумеющимся, в русской историографии С.М. Соловьев без особых пояснений различал «тождественные» и «не тождественные» явления. В немецкой историографии широко обсуждали методы сопоставления рядов исторических явлений Риккерт (Риккерт, 1908) и Трёльч (Трёльч, 1994). Однако в начале XX в. Н.П. Павлов-Сильванский «открыл» этот метод заново, с особой настойчивостью применяя его к решению проблемы феодализма в России путем изучения сходства и различия исторических явлений. Он не сформулировал четкого представления о критериях сходства явлений, не развернул полной картины сравнительного метода, – «лишь» указывал на очевидные сходства в развитии России и Западной Европы, чтобы кардинальный вопрос об общем характере русской истории, на котором ломали копья славянофилы и западники трех-четырех поколений, привести к состоянию, в котором этот вопрос мог бы получить объективный ответ.

Затем, однако, победила школа историков-буквалистов, полагавших, что простое изложение летописей и иных свидетельств дает самый полный ответ на любой вопрос, который может быть обращен к истории человечества. Появилась история «ножниц и клея», которая собиралась из отрывков летописей и грамот. Такая история была объявлена «единственно научной», поскольку не признавала домыслов и базировалась на солидной эмпирической базе. Но вместе с домыслами из истории ушла мысль. Сравнительно-исторический подход переключался из истории в социологию. В конце XIX в. в истории сложилась совсем забавная ситуация: Макс Вебер признавался, что его с детства интересовала морфологическая сторона исторических явлений, ему хотелось изучать жизнь крупных структур, больших блоков истории, рассматривать их влияние на жизнь людей. Однако современная ему история была чисто-эмпирической наукой о грамотах. В результате Вебер «понял», что его интересы влекут его в иную научную дисциплину, и занялся социологией.

Как протест против этой ситуации, в противовес историографической концепции буквализма, в 30-х годах во Франции возникла школа «Анналов». Марк Блок, Люсьен Февр и Фернан Бродель обратили внимание на комплексность процесса истории, признали множественность связей в общественной системе. В связи с этим произошла ломка механического понимания причинности, разрушилось представление о линейности развития, стало ясно, что разные стороны общественного целого развиваются с разной скоростью. Новое знание было получено не из-за открытия новых летописных источников; у историков возникло новое представление о том, что означает вопрос «почему?». Ранее искали исторические причины и исторические следствия, верили, что после того, как найдена «истинная причина», явление можно считать познанным. Однако таких «истинных причин» нашлись многие десятки, и сама объяснительная схема истории должна была измениться.

Основатели «Анналов» отстаивали применение сравнительного метода в истории, обращая особое внимание на изменения общественного сознания, на те изменения человеческой психики, в рамках которой осмысляются все исторические реалии. Снова сравнительный метод при изучении истории был «открыт», снова он был признан первенствующим при изу-

чении явлений истории. Постепенно в 50—60-х годах школа «Анналов» стала одной из самых влиятельных, однако отсутствие представления об общем плане строения общества и о наиболее важных изменениях душевной жизни привели ее к буквалистскому – на новом уровне – исследованию отдельных сторон быта людей прошлых веков. Упрощенно говоря, в ответ на вопрос, чем отличалась душевная жизнь человека Средневековья от современного человека, приводятся данные о том, насколько часто моется человек в ту или иную эпоху, что он пьет и как часто молится. Эти данные, несомненно, представляют большую ценность. Однако для того, чтобы описать развитие исторического организма, надо яснее представлять себе его общую морфологию, знать, как один «орган» такого организма влияет на другие его части, понимать, какие исторические явления будут лишь вариантами одного типа, а какие – представлять самостоятельные сущности, живущими по особым законам.

1. Сравнительный метод в историческом исследовании

Сравнительный метод является необходимой составной частью любого научного исследования, имеющего дело с реальными объектами (а не идеальными, как в различных областях математики). Для научного описания какой-либо предметной области прежде всего следует различить объекты, с которыми исследователь имеет дело, выявить их сходства и различия, объединить их в классы по существенным сходствам. Правда, во многих науках эта методологически необходимая часть научного метода редуцирована – или по причине предполагаемой тривиальности (как в физике), или в связи с непониманием истинной структуры научного метода. Любая наука, изучающая реальные явления, начинается с морфологического метода описания этих явлений. Морфология, в свою очередь, тесно связана с систематикой, с объединением явлений в классы.

Сравнительный метод служит основой для описания морфологии объекта исследования. Обычно мы не различаем объекты по признакам, а сразу схватываем целостный образ объекта, видим, на какие другие объекты он похож. Но чтобы знание об объекте стало научным, требуется указать признаки, с помощью которых выделяется данный объект. От прочих областей познавательной деятельности наука отличается большей степенью преемственности и воспроизводимости результатов. Целостное видение объекта нельзя передать другому человеку, незнакомому с этим объектом. Только мысленно выделив в объекте какие-то структуры, признаки, отличия, мы можем рассказать о них другим людям и таким образом сделать наше знание доступным другим.

Изучив морфологию объекта, указав те признаки, на основании которых объект похож на некоторые другие, и те аспекты, в которых он отличается от других, мы можем соотнести изучаемый объект с другими, то есть представить и описать группу объектов, в которую изучаемый объект входит как часть (элемент, аспект). Выделение группы (класса) объектов, в каком-то существенном отношении сходных, позволяет в дальнейшем работать не с бесчисленным множеством эмпирически данных объектов, а с ограниченным количеством типов (классов) объектов. При решении задач предполагается, что все объекты одного класса ведут себя более или менее одинаково. Если же в данном случае объекты, относимые к одному классу, ведут себя по-разному, мы заново изучаем морфологию, выделяем иные классы, более подходящие для решения данной задачи.

После выявления основных черт той группы объектов, в которую входит изучаемый объект, на основе знания сходных объектов можно выдвинуть гипотезы о его свойствах, поведении, функционировании. Это очень мощное средство познания – построение гипотез о еще неизвестных свойствах данного объекта на основании того, что мы знаем, что данный объект принадлежит к данному классу объектов, и другие члены этого класса имеют такие-то свойства. Основанием для таких гипотез является целостность объектов исследования. Если

мы выбрали в качестве объекта исследования не случайную совокупность свойств, а действительно целостную систему, то ее признаки скоррелированы друг с другом. Это значит, что если мы находим некоторую группу сходств между объектами, то возрастает наша уверенность в том, что эти объекты сходны и по многим другим свойствам. Без такого выделения типичных свойств объектов научные законы не могли бы быть сформулированы. Ученые ведь не исследуют все капли воды в океане, чтобы убедиться, что их свойства похожи; изучив некоторое количество воды и сделав заключение, что весь океан состоит из такого вещества, мы заранее полагаем, что свойства всех его частиц примерно одинаковы.

Такие гипотезы проверяются либо наблюдением за реальным поведением объекта, либо экспериментальным путем. Эксперимент есть то же самое наблюдение за поведением природного объекта, только это наблюдение производится в искусственно созданной и контролируемой обстановке. Степень «созданности» и «контроля» обстановки бывают весьма различными, так что по сути дела эксперименты возможны в любых науках. Рассмотрев результаты наблюдений и экспериментов, мы сравниваем наши гипотезы о поведении тех или иных свойств с реально наблюдаемыми результатами и на этой основе уточняем представление о строении объекта. Научное исследование итерационно, оно подобно змее, кусающей свой хвост: его результат состоит в выходе на самое начало исследования, но уже с новым опытом, что позволяет лучше описать систему сходств и отличий изучаемого объекта от других объектов, перепреопределить состав группы сходных объектов и продолжить итеративную процедуру изучения. Корректируя в соответствии с результатами наблюдений и экспериментов гипотезы о связи свойств объекта, мы выделяем новые свойства (число их в любом реальном объекте бесконечно), образуем новые группы сходных объектов и заново исследуем свойства этих групп. Отсюда можно видеть, что практически на всех этапах научного исследования мы сравниваем морфологическое строение объектов между собой и объединяем сходные объекты в группы; эта операция является основной операцией научного метода. В циклическом процессе познания действительности сравнительный метод играет связующую роль.

В истории основы морфологического метода применяются не реже, чем в других науках. Известен красивый пример работы этого метода. От стоянок доисторического человека сохраняется немного, и является трудной задачей соотнести эти немногие останки с движениями племен и культур. Известный английский археолог разработал определительную таблицу каменных топоров. Сначала все топоры различались по форме, видимой в профиль, затем – по вертикальному абрису, потом по форме лезвия, деталям крепления к рукоятке и проч. В результате прохождения по этому определительному ключу можно было придти к определенному типу каменных топоров. Полученный результат с изумительной точностью совпал с другими остатками материальной культуры древних людей: керамикой, типами захоронений. Получилось так, что достаточно найти на стоянке каменный топор, и прояснялось, к какому типу культур относится данная стоянка. Этот классический результат попытались воспроизвести ученые, изучающие древние стоянки на Украине и в южной России. В соответствии с местными формами топоров им показалось правильнее построить ключ иначе, они сначала делили все топоры по форме абриса, видимого сверху, затем – по форме лезвия, по профилю и т. д. У них также получилось множество хорошо различимых типов каменных топоров, и каждый топор можно было отнести к определенному типу. Но при наложении карт распространения топоров на карты других явлений ничего связного не получилось: выделенные типы топоров не коррелировали ни с типами захоронений, ни с типами жилищ. Этот маленький пример конкретного исследования показывает, что морфология в истории работает непрерывно, перед ней встают те же задачи, что и в иных науках. Можно привести сотни подобных исследований в иных областях знания, где говорилось бы, например, что некоторые группы насекомых замечательно различаются по жилкованию крыльев, и зная это жилкование, можно точно указать систематическую принадлежность насекомого, а в других группах жилкование не работает, не

позволяет выделить осмысленные группы видов и родов. В таких случаях приходится искать другие признаки, выделять другие классы явлений, а также пытаться понять, почему признаки, хорошо работающие в пределах одной группы, не пригодны для другой.

В XX веке морфология переживает глубокий кризис, морфологические знания «вышли из научной моды», большинство людей интересуются красивыми эволюционными картинками, а морфологическое «буквоедство» полагается скучноватым. Между тем любые эволюционные реконструкции и блестящие эволюционные сценарии есть лишь интерпретация морфологических данных. Например, накапливающиеся данные показывают, что обезьяны Старого Света (так называемые узконосые обезьяны) и обезьяны Нового Света (широконосые) настолько слабо связаны, что нет серьезных оснований объединять их в одну группу животных. Имеются две независимые группы, общий предок которых не был обезьяной, но которые развились настолько сходным образом, что мы, едва взглянув, утверждаем: «Обезьяна!». Столь глубокая конвергенция групп является яркой иллюстрацией направленности эволюционного процесса, и при этом любые суждения об этой эволюционной картинке сводятся к обсуждению «скучных» подробностей морфологического строения этих животных: обезьяны различаются, в частности, строением лицевой части черепа, у них различное количество отверстий в носовой кости. По одним признакам мы наблюдаем глубокое сходство организмов, а по ряду других видим существенные различия, и вот этот баланс признаков и выражается словами «конвергенция», «направленная эволюция». Точно так же можно воспроизвести оригинальные и изящные рассуждения о схождении английского и китайского языков за последнюю тысячу лет. Но любые сколь угодно красивые рассуждения о культурфилософском смысле такого сближения будут опираться на основу самого «скучного» языкознания, на дебри грамматических и лексикостатистических выкладок, из которых, собственно, и следует, что в английском языке, принадлежащем к германской группе языков, в целом – синтетических, нарастает аналитичность и падает роль словоизменения. При этом становится очевидна истинная «цена» схождения английского и китайского: это лишь крайне поверхностное сближение, мало что говорящее о глубинном устройстве языка.

С помощью морфологического метода работают все естественные (и не только естественные) науки. Часто высказывается мнение, что к истории методы «обычной» науки неприменимы в силу принципиальной уникальности, одноразовости объекта ее исследования. По этому поводу даже иногда выделяются две группы наук – номотетические, которые ищут законы, описывающие поведение сходных явлений, и идеографические, к которым принадлежит и история. Идеографические науки, как утверждают сторонники этой точки зрения, могут только описывать происходящее.

Такое понимание истории является ошибочным. Причин для такой квалификации достаточно много; здесь уместно провести лишь одну линию рассуждений. С уникальными объектами работают на деле все естественнонаучные дисциплины. Наиболее очевидно это в отношении географии и родственных наук: объект их исследования дан в единственном экземпляре. Но ведь и каждый биологический организм, и каждый биологический вид уникальны. Изучаемые физикой объекты также уникальны; каждый бросаемый с башни камень единичен. Однако физики с легкостью отвлекаются от уникальности своих объектов, изучая лишь очень обобщенный аспект реальности, так что их объекты становятся одинаковыми. *Одинаковость (изоморфность) объектов есть результат работы научного аппарата, а не свойство реальности.*

В биологии степень индивидуальности (разнообразия, уникальности) объектов много выше, чем в физике. Поэтому существуют особые методологически выделенные области биологического знания – *таксономия* и *мерономия* (упрощенно – морфология), которые умеют представить уникальные биологические объекты как сравнимые, в определенном отношении одинаковые. С помощью наук, одна из которых (таксономия) изучает группы организмов, а другая (мерономия) классы частей этих организмов можно указать, в каких пределах можно

говорить о существенном сходстве различных объектов, а когда различия настолько существенны, что сравниваемые объекты следует поместить в разные группы (таксоны определенного ранга), указав тем самым степень их сходства. Развитая методология биологической систематики – ответ на высокое разнообразие объекта исследования, мира живых организмов.

Объекты истории в еще большей степени уникальны, чем живые организмы, поэтому и возникло мнение о их несравнимости. Но ведь любое описание по сути есть сравнение. Существует много видов описаний объектов – по их функциям и ролям, через описание частей, через указание происхождения и другие, но только один вид описания не может быть прямо сведен к сравнению – остенсивный тип описания, заключающийся в указании пальцем на предмет: «Вон то!». Все остальные виды описания подразумевают сравнение – неважно, функций или ролей, частей предметов или признаков, указывающих на происхождение этих предметов. Историк-идеограф говорит, что его задача – лишь описывать явления, не выдумывая несуществующие в истории общие законы. Однако называя части (аспекты, черты) явлений, именуя сами явления, он тем самым уже сравнивает. Если словом «революция» называют явление, произошедшее в 1789 г. во Франции, и явление 1917 г. в России, значит, эти явления полагаются сходными, в них есть много общего. Подведение двух разных исторических событий под одно понятие подразумевает, что эти явления обладают существенными сходными чертами, а их различиями на некотором уровне рассмотрения можно пренебречь. Это означает, что для того, чтобы характеризовать два каких-то события одним понятием, необходимо сначала эти события сравнить и удостовериться, что по какой-то совокупности свойств они одинаковы (сходны, гомоморфны).

Часто можно слышать рассуждение о том, что наука не имеет дела с уникальными объектами, а в истории каждое событие уникально; значит, история не может быть наукой в том же смысле, в котором наукой является, скажем, физика. И то, и другое положение правильны, а вывод неверен. *Уникальность объекта – не его «объективное» свойство, а результат операции сравнения.* Только после сравнения можно утверждать, что ряд явлений схож между собой, а какое-то явление столь существенно от них отличается, что мы называем его уникальным. Научный метод (в частности, сравнительный метод) делает реальные объекты сходными, сравнимыми, пригодными для дальнейшего изучения. *Сравнительный метод ставит науке ее объекту* реальное явление, взятое во всей его материальной уникальности, не может служить объектом изучения для науки, и поэтому наука определенным образом преобразует явление, делая его познаваемым. Любое реальное явление уникально, и историческое событие уникально, и данное падение яблока – тоже уникально. Это означает только, что для того, чтобы конкретное явление стало научным фактом, оно должно быть воспринято как неуникальное. За падением этого, данного яблока мы должны увидеть общий закон, за внешностью животного следует разглядеть тип, а за сходством исторических явлений – увидеть идею.

Это значит, что даже сами объекты познания уже пропитаны познавательными операциями, созданы интеллектуальными усилиями. Это не образы и идеи объектов, которые находятся в наших мыслях, нет – сами конкретные предметы за пределами нашей кожи произведены при помощи нашего познания. Если мы ради ложно понятой объективности исключим из мира познающего субъекта, не будет и того мира, который кто-либо мог бы познавать, не будет красок и форм, не будет камней и животных. Научный метод подразумевает признание познавательной активности субъекта познания (исследователя) как неперемennого условия познания мира. Объективность научного познания заключается совсем в ином, а не в неверном утверждении, что лежащий на дороге кирпич в своей реальности не зависит от того, познаю я его или нет. Зависит, конечно – если не будет познающего сознания, некому будет выделить кирпич как объект, нельзя будет сказать «кирпич лежит на дороге». Мир без познающего сознания существует, а объекты – нет.

Итак, основой исторического познания, как и всякого иного познания в области реальных явлений, является сравнительный метод, общий как истории, так и физике с биологией. Этим вовсе не утверждается, что у истории нет специфических методов исследования по сравнению с естественными науками – скажем, с биологией. Мы привыкли думать о науке в целом, сообразуясь с состоянием математизированной физики XIX–XX вв. Однако сами закономерности природы выглядят по-разному в разных областях реальности, и соответственно в разных областях знания. Во многих разделах физики мы можем высказать условное суждение о том, что если будут выполнены такие-то и такие-то условия, то всегда произойдет некое следствие. Это условное суждение может быть облечено в математическую форму и называется физическим законом. Такой закон носит универсальный характер, то есть всегда, когда выполняются указанные условия, действие происходит в соответствии с законом.

Биология отличается от физики, в живых существах помимо физических законов действуют и иные закономерности, непохожие на физические законы. Прежде всего эти закономерности отличаются тем, что они не универсальны, они по самому характеру своему локальны. В связи с этим предметную область, в которой действует данный биологический закон, называли таксоном, а сам биологический закон с содержательной стороны выглядит как тип (архетип) данного таксона. Для физического закона не надо указывать ту область явлений, где закон действителен, достаточно только сформулировать условия выполнения закона. А биологический закон ограничен неким классом объектов (таксоном), в пределах которого закон выполняется. Формулировке физического закона, математической формуле, в биологии можно сопоставить тип биологических объектов, тот, упрощенно говоря, план строения, который имеют все живые существа, входящие в данный таксон. Например, высказывание «животные выкармливают своих детенышей молоком» неверно; надо указать ту область, в которой это верно – млекопитающие животные, и только они, характеризуются этим свойством.

Такое высказывание не тавтологично, поскольку мы можем перечислить еще многие свойства, которыми обладают только млекопитающие («только млекопитающие животные покрыты шерстью»). Таксон «млекопитающие» – область действия многих подобных закономерностей, проявляющихся в строении и поведении животных; с содержательной стороны млекопитающие могут быть представлены как план строения, как структура свойств, что и отражается в понятии «типа». Изучая млекопитающих, мы можем узнать о новых свойствах этих животных, и показателем правильности нашей гипотезы о таксоне будет тот факт, что эти свойства будут распространены только среди млекопитающих. Таксон отражает только объем понятия, указывает на ту совокупность объектов, которых мы называем млекопитающими. Тип описывает таксон с содержательной стороны. Совокупность верных высказываний о свойствах млекопитающих животных будет составлять не часть таксона, а часть типа млекопитающих. *Тип является аналогом физического закона, примененным к биологическому материалу.*

Теперь мы можем вернуться к понятиям таксономии и мерономии, оставленных выше без объяснения. Таксономия изучает иерархию таксонов, то есть соположенность и соподчиненность биологических законов с их внешней, экстенсией, стороны. То, что собака входит в отряд хищных, а этот отряд – в класс млекопитающих, является высказыванием из области таксономии. Мерономия описывает строение типов, обращаясь к внутренней, интенсией, стороне. Рассказать, что такое собака, можно только указанием на взаимодействие частей этого животного, описанием особенностей его поведения. Мерономия является обобщением понятия «морфология», осмысленном не просто как описание данных внешнего строения объекта, а как результат операции сравнения, когда каждая деталь строения соотносится с другими схожими частями иных объектов, так что возникают классы частей – *мероны*. Например, нога, печень, головной мозг – это разные мероны живого организма.

Таким совершенно отличным от физики образом выглядит структура биологического знания. История людей и история человеческих обществ лежит еще значительно выше физики,

ее законы являются объемлющими не только к физическим, но и к биологическим законам. Поэтому устройство исторического знания сильно отличается от того, что привычно видеть в науках физического цикла. В истории, описывающей поведение разумных существ и их коллективов во времени, возникают специфические виды локальных законов, имеющие лишь отдаленные аналогии в мире биологического знания. Весьма трудно сопоставить с понятиями, вынесенными из биологии, историю личностей, влияние личностей на исторический процесс, которые представляют самое сердце исторической науки.

Именно от этого сердца очень далека сегодняшняя историческая наука. Такое положение дел вполне закономерно. Физика абстрактная, математическая, не чрезмерно далека от физики реальных вещей; математизированная биология отстоит от реальности явлений жизни значительно дальше. Из сегодняшнего математизированного здания биологической науки лишь едва просвечивают будущие контуры реального биологического познания. На следующем этаже наук, в области гуманитарного и исторического знания, разрыв между имеющимися методологиями и методами, вытекающими из самого предмета исследования, еще больше. Реальная история, история человеческих личностей, история их взаимодействий, – совсем еще не сделана. То, что мы имеем сегодня в виде биографических исследований, совсем не приближает к требуемому историей стандарту знаний. Современная методология науки может работать лишь со значительно более абстрактными пластами истории, выражающимися в истории обществ и государств, истории культур и экономических явлений.

Наличие биологических законов не мешает действию физических законов на живые существа. Более того, плодотворен поиск универсальных законов в мире живого. С точки зрения биологии такие универсальные (и тем подобные физическим) законы будут описанием структуры и поведения высшего типа, включающего в себя все живые организмы. Эти универсальные закономерности будут состоять из более локальных законов, соответствующих основным типам живого. Подобным образом можно изучать и историю, отыскивая и описывая в ней локальные законы, касающиеся строения и поведения человеческих сообществ и плодов их деятельности.

Подобно тому, как это делают в биологической морфологии и систематике, следует рассмотреть мир исторических явлений, выделить среди них сходные, объединить в таксоны, то есть классы соподчиненных явлений. Среди целостных исторических образований – что бы под этим ни подразумевалось, особенный культурный стиль или политический институт, – следует выделить составляющие данное образование функциональные элементы (мероны) и произвести их сравнение. Только после проведения этих операций имеет смысл говорить о построенной системе исторического знания; и даже после такого исследования совсем не затронутым останется вопрос о личности в истории. Та история, которая создается деятельностью конкретных людей, выпадает из морфологического исследования. Морфология истории способна описать только более общий (и менее конкретный) пласт явлений.

Итак, сравнительный метод в истории должен работать, как и во всех областях знания, изучающих реальность. Сравнительным методом не исчерпывается та методология, в которой нуждается историческая наука, однако даже этот известный метод используется в истории еще недостаточно полно. В таком случае имеет смысл кратко сформулировать общие «правила вывода», работающие в рамках сравнительного метода, и применить их к историческим явлениям.

Сравнительный метод исследует сходства явлений с помощью так называемых критериев *гомологии*, которые можно также называть обобщенными критериями сходства. Эти универсальные критерии сходства найдены эмпирически; первые попытки их формулировки принадлежат Аристотелю и Теофрасту, окончательную свою форму они получили в работах Гете, Окена и Сент-Илера. Первоначально они формулировались для нужд биологической морфологии. Однако морфология живых существ – самая богатая из известных областей морфоло-

гического знания, и потому разработанные для этой области критерии имеют универсальную применимость. Когда мы хотим указать, что два объекта сходны, мы обязательно обращаемся к одному из критериев гомологии (сходства).

Таких критериев всего три. Первым является критерий специального качества: если у двух явлений есть общая характерная черта, эти явления сходны, гомологичны. Другой – критерий положения: если два явления занимают одинаковое место в рамках более общего явления, то эти явления сходны, гомологичны. Наконец, критерий ряда: если между двумя явлениями можно выстроить непрерывный ряд переходов, эти явления сходны, гомологичны. Критерий ряда является зависимым (сходство между любыми двумя членами ряда мы устанавливаем по первым двум критериям), так что можно считать, что достаточно независимых критериев два. Эти два критерия универсальны и являются основой человеческого познания. Никаких других способов установить сходство явлений не существует. Попросту говоря, критерии гомологии в четкой форме раскрывают смысл понятия «сравнение». Если мы что-то сравниваем между собой, значит, мы осознанно или неосознанно используем критерии гомологии.

Полученные в результате операции сравнения сходства подразделяются на гомологии (существенные, важные сходства) и аналогии (побочные, вторичные, несущественные, ложные и т. д.). Когда рассматривают строение плавника акулы и дельфина, находят значительное сходство этих двух явлений. Однако при изучении других черт строения этих животных (строение дыхательной, кровеносной, выделительной, репродуктивной и других систем органов) выясняется, что с точки зрения общего плана строения сходство плавников поверхностны, вторичны, а существенно различие этих животных, так что дельфин ближе, скажем, к собаке, а не к акуле. Тогда говорят о том, что сходство плавников является аналогией, акула и дельфин устроены аналогично, а дельфин и собака – гомологично, хотя и не слишком похоже. Но это суждение верно, только если приведена точка зрения, с которой производится сравнение. Если нашей целью является установить степень родства животных и тем самым выяснить их место в генеалогической классификации, то сходство акулы и дельфина – аналогия, а дельфина и собаки – гомология. Если же мы изучаем приспособления различных животных к обитанию в воде, то сходство акулы и дельфина будет существенным, гомологичным, а те группы сходств, которые объединяют дельфина и собаку, отойдут на второй план, станут несущественными, аналогичными.

Точно то же самое выступает в историческом исследовании, когда мы сравниваем, например, открытие пороха европейцами и китайцами. Если мы рассматриваем только историю изобретений, задаем вопрос: «Сколько раз человечество открывало порох?», то ответ – по крайней мере два (и даже больше, еще арабами в VII в.). Открытие пороха китайцами (в XI в.) и европейцами здесь выступают как гомологичные (сложного вопроса о заимствовании европейцами пороха у китайцев через монголов мы здесь касаться не будем). Если же нас интересует общая история цивилизации и открытие пороха выступает как показатель преобразований в военном деле, изменения характера ведения войн, степень конкурентоспособности и продвинутое™ той или иной цивилизации, то эти открытия становятся аналогичными, поскольку китайцы не применяли порох в военном деле, а пускали с его помощью разноцветные фейерверки. И тогда мы можем сказать, что порох в этом смысле был открыт всего лишь раз, остальными странами он заимствовался (в данном своем значении) у европейцев, и открытие пороха китайцами нельзя считать явлением гомологичным, это лишь аналогия, и очень далекая, европейскому открытию.

Открытие пороха, понятое как важнейший элемент преобразования военного дела, влечет за собой в историческом процессе множество следствий. Изменяются отношения колонии и метрополии, возможности завоевания и сопротивления завоевателям. В конце концов, следствием открытия пороха было завоевание европейцами Америки, что оказало на мировую

историю глубочайшее воздействие. Однако историю двигает не техника: есть данные, что арабы использовали порох в VII в. для подрыва укреплений, в XII в. испанские мусульмане изобрели личное огнестрельное оружие. И все же эта открытия не сделали мир арабским, мусульманским. В XIII в. монголы выпытали у китайцев секрет пороха и впервые догадались применять его в военном деле, для метания каменных ядер. И все же влияние монгольской цивилизации на историю трудно сравнить с влиянием европейской цивилизации. В руках европейцев порох стал мощным оружием, перевернувшим судьбы многих цивилизаций, повергшим мир к ногам европейцев. И уже у европейцев это оружие заимствовалось с чрезвычайной быстротой. С XIV в., когда порох стал широко применяться в Европе, его оружейное использование стало предметом заимствований во множестве регионов мира. История «европейского пороха» начинается с 1308 г., когда кастильцы использовали пушки при осаде Гибралтара. В XV в. была создана корабельная пушка с подвижным лафетом, и моря наводнили пиратские и военные суда.

На востоке военное применение пороха не имело продолжения, история же пороха в Европе известна. Ясно, что использование огнестрельного оружия сильно сказывается на боеспособности государства: запоздаешь с таким изменением – проиграешь. Европейцы разработали ручное огнестрельное оружие примерно в XIV в. В 1542 году в Японию была привезена первая партия аркебуз из Португалии, а в 1575 Одо Нобунага наголову разбивает Такэда Кацуёри, массированно используя в бою аркебузирова. Недостатком аркебузы была медленная перезарядка. Чтобы возместить это, Нобунага выстроил три тысячи аркебузирова в три ряда, которые стреляли залпами по очереди. Лучшая кавалерия Кацуёри была сметена (финальная сцена фильма А. Куросава «Тень воина»). С тех пор даже признанные мастера меча в Японии признавали, что меч – оружие личное, дополнительное, а в бою дело решает оружие огнестрельное.

С введением пороха связан ряд явлений военных и политических преобразований, гомологичных друг другу, хотя и отличающихся некоторыми деталями. Например, во Франции был введен новый тип войска с огнестрельным оружием – мушкетеры, элитные дворянские подразделения. В России также появились новые войсковые соединения с огненным боем – стрельцы (созданы Иваном Грозным в 1550), непривилегированное войско, набираемое из «черного» и посадского люда, по «престижности» уступавшее боярскому (и дворянскому) конному ополчению. Эта дворянская конница в России теряет свое значение в XVII в. (1632 – кроме стрельцов и пушкарей появляются рейтарские, драгунские и солдатские полки) и исчезает в XVIII, при Петре. В Германии дворянская конница вытесняется регулярными войсками после Тридцатилетней войны, исчезает в самом конце XVII в.

Таким образом мы можем сопоставлять ряды датированных событий; в данном случае такой ряд отражает появление в разных странах и регионах нового типа регулярных войск с огнестрельным оружием. Можно изучать характеристики этого ряда: морфологическую специфику элементов (мушкетеры – стрельцы – японские аркебузиры = самураи младших рангов), региональные особенности (престижность, элитарность/ непрестижность), скорость распространения «волны события» (упорядоченный по датам или локалитетам ряд гомологичных событий), взаимовлияние разных рядов (например, появление огнестрельного оружия и колонизаторская политика европейских стран).

Естественно, приведенные примеры и другие, подобные им, являются азбукой исторического знания и подобные мыслительные конструкции используются автоматически, без долгих рассуждений о методологии науки, месте в ней сравнительного метода и проч. Однако автоматизм мышления и забвение методологии могут привести к серьезным ошибкам. Сравнительно-исторический метод исследования, не успев начать работать в полную силу, был забыт. Предметом изучения истории объявляются причины тех или иных событий. То есть историк в качестве результата своей работы должен указывать на цепь причин, которая привела к появлению данного события. Исторические школы, собственно, различаются только предпочитае-

мым видом причин. Одни любят причины экономические, другие – государственные, связанные с политическим развитием. Можно найти объяснения геополитические, идеологические, географические, этнографические...

Неприятность состоит в том, что все эти объяснения верны, а все школы – правы. Такая ситуация возникает потому, что история общества представляет собой процесс развития. О развитии мы можем говорить применительно к открытым неравновесным сложным системам. С другой стороны, методология причинного анализа сформировалась при изучении совсем иных систем – замкнутых, равновесных, относительно простых. В таких простых процессах, как соударение бильярдных шаров, причина влечет за собой следствие. Такие процессы издавна изучала механика; на подобной познавательной базе была построена почти вся физика до начала XX в. А процессы развития изучались иными, нежели физика, естественными науками, и наибольших успехов в этом отношении достигла биология. Изучение процессов развития показало, что причинно-следственный метод в них попросту не работает; как и любой метод, он дает ответы, но эти ответы оказываются неадекватными происходящим процессам.

Представим себе: некий человек опоздал на важную встречу и объясняет свое опоздание тем, что транспорт сегодня задерживался, он встретил давно не виденного знакомого и не мог не уделить ему нескольких минут, у него отстали часы, он плохо себя чувствовал. Предположим, что все, что он говорит, – правда, все сказанное им является причинами его задержки. Не напрашивается ли мысль, что на самом деле вопрос поставлен неверно, дело не в поиске причин как таковых. Психолог тут может обратиться к метафоре «внутренней глубинной причины», может сказать, что он «подсознательно» не хотел приходить на эту встречу. Но не только психолог, а любой человек, сталкиваясь с множеством причин у одного явления, начинает подозревать, что все эти причины «ложные», что они не объясняют данного явления, пусть даже все они окажутся «правдой» в том смысле, что каждая из этих причин имела место и повлияла на следствие.

Поиском причин наблюдаемых в развитии изменений долго занималась эмбриология. Почему у данного животного развивается голова? Можно ответить, указав на воздействия определенных веществ на определенный участок зародыша в определенный промежуток времени развития (это явление называется индукцией). А если в это время эти вещества не будут действовать? Оказывается, тогда начинает работать система компенсации, выделяются другие вещества, оказываются иные воздействия – развитие регулируется таким образом, чтобы у взрослого организма была голова, несмотря на то, что причины явлений коренным образом изменились. В развитии организма результат фиксирован, а причины варьируются; причины оказываются случайными с точки зрения результата. Причиной наличия головы оказывается цель развития – создание нормального организма. Такое явление называется *эквифинальностью*. Суть эквифинальности в том, что в достаточно широком спектре воздействий развивающаяся система, невзирая на конкретные виды воздействий и причин, производит фиксированный результат – облик нормального организма данного вида. Эквифинальность развития организма объясняется опытом тысяч поколений его предков, испытывавших в своем развитии разные способы реагирования на нарушающие воздействия. Эквифинальным образом организмы реагируют на *исторически типичные* нарушения обычного развития.

Различают два типа развития – онтогенез (индивидуальное развитие организма) и филогенез (развитие в ряду поколений). Свойством эквифинальности обладает только онтогенез; относительно филогенеза можно говорить о направленности, лишь иногда приводящей к эквифинальному развитию. Различие между онто- и филогенезом задается степенью целостности развивающейся системы. Чем система целостнее, тем более скоррелированы ее элементы, тем в большей степени ее развитие несет черты цикличности. Высокая коррелированность частей достигается за счет обращения к относительно постоянной наследственной информации.

По мере снижения целостности развивающейся системы падает возможность регуляции развития частей со стороны целого; при этом разница между онто- и филогенезом уменьшается, онтогенез все больше походит на филогенез. Степень фиксированности конечного облика развивающейся системы уменьшается. Однако и некоторые органические системы со степенью целостности ниже организменной развиваются эквифинально. Например, биоценозы не имеют выделенного «вещества наследственности»; целостность сообществ организмов значительно ниже, чем организмов высших животных; она скорее соотносима с целостностью простейших или вирусов. Однако индивидуальное развитие биоценозов (сукцессия) протекает эквифинально, в отличие от эволюции биоценозов (точнее, сукцессионных систем), которое аналогично филогенезу и потому не обладает свойством эквифинальности. Сообщества организмов обладают различной степенью целостности, и если группировки могут быть объяснены как простая мозаика случайно сошедшихся организмов (например, заселяющих вулканический остров после извержения), то сложные биосистемы, например, лес или болото, в высокой степени эквифинальны и восстанавливают фиксированный нормальный облик в результате самых разнообразных нарушений (возвращение к устойчивому состоянию после нарушения называется гомеостазисом). Смысл явления сукцессии в том и состоит, что в ответ на самые разнообразные нарушения – избыточное увлажнение, пожар или засуху – биоценоз восстанавливает исходный облик. От типа нарушения зависит путь восстановления, но не результат.

В человеческом обществе имеются аналоги «наследственной информации»; это зафиксированные результаты культурной деятельности.

Аналог гена – книга. В то же время очевидно, что целостность человеческого общества много ниже целостности отдельного человека. Развитие человеческого общества, как и сообщества организмов (биоценоза), не является «классическим» онтогенезом, однако многие его аспекты развиваются циклически, эквифинально, а все развитие в целом, несомненно, является целестремительным, направленным.

Итак, когда мы имеем дело с развивающимися системами, выявление цепочек причин и следствий не приводит к пониманию реальности. Явных ошибок причинный метод не дает: у причин имеются следствия, происходящее *можно описать* как процесс производства следствий причинами. Однако это описание не является достаточно полным, поскольку специфика конечного результата в чрезвычайно слабой степени зависит от специфики причины. Причинное объяснение явлений истории оказывается лишь частично адекватным историческому процессу. В истории есть причины и следствия, однако многие аспекты истории могут быть объяснены только с помощью описания замкнутых циклов явлений, приводящих к эквифинальному результату. Причем именно такие аспекты истории и являются особенно ценными для исторического познания, поскольку самым важным в истории человеческого общества является, несомненно, процесс развития. Найти способ объяснения, проникающий в природу изучаемого явления, способен только корректный сравнительный, морфологический подход. Сам выбор типа объяснения – причинного или иного – является одним из результатов исследования, а не заранее объявленной формой такого результата.

История как наука пока не имеет дела с развернутым морфологическим описанием истории, не оперирует понятиями гомологии и эквифинальности, с легкостью обманываясь причинными объяснениями – тем легче, что все причины, и каждая в отдельности, верны, но не существенны. Вспомним, например, как объясняется тот факт, что в истории России государственные начала преобладают над экономическими и культурными, что в России традиционно имеется сильное государство, потеснившее другие явления.

В ответ на вопрос «почему так» говорится, что все дело в **географическом** факторе. Россия – страна обширная, не имеющая естественных границ, открытая нападениям агрессивных соседей. Следовательно, она должна содержать большую постоянную армию и быть централизованным государством (почему? величина границ растет как корень площади; чем

обширнее страна, тем меньшая доля налога на содержание армии выпадает на душу населения – при равной плотности населения, конечно). Кроме того, есть и **климатические** причины – климат у нас суровый и неустойчивый, земледелие развивается трудно, народ бедный, и содержать большое войско, опять же, не может. У народа надо насильно отбирать последнее на содержание войска, а это может сделать только сильное государство. Из бедности крестьянства вытекает также низкая покупательная способность населения, отсюда выводится неустойчивость внутреннего рынка, а значит, отсутствие капиталовложений. Поэтому экономика сама развиваться не может, ее понукает и понуждает государство, которое ее же и обирает на свои нужды. Такой ход мысли можно встретить достаточно часто, и глубокий смысл подобных рассуждений сводится к положению: экономика у нас в тяжелом положении, потому что народ бедный, а вот если бы народ был богатым, сразу бы и экономика поправилась.

Можно упомянуть фактор заимствования **культурного «шаблона»**: Русь строила себя по образцу Византии, а Византия была многонациональным государством без естественных границ и в окружении агрессивных соседей. Византии было свойственно на протяжении всей ее истории централизованное мощное государство, подчинившее себе все остальные сферы общественного развития. Например, крупный спад Византии, начавшийся примерно в XII в., был связан с экономическим спадом, вызванным чрезмерным вмешательством в хозяйственные отношения со стороны государства (инфляция, чрезмерные налоги, мелочная опека торговли и ремесла со стороны государственного аппарата). Переразвитие государственной власти сопровождалось своими следствиями: Византия характеризовалась пересечением функций различных административных органов, всеобщим взяточничеством, казнокрадством, покупкой титулов и должностей. Имущественная и социальная неустойчивость порождали произвол властей и эгоизм, индифферентность населения. Возникает особое сочетание индивидуализма населения без свободы личности. Этот культурный шаблон и заимствовала Россия.

Далее можно сказать о **пространственном и демографическом** факторах – поддерживать единое общество на наших просторах, весьма редко заселенных, могло только сильное централизованное государство. Известна закономерность: чем беднее и обширнее страна, тем крупнее в ней столица, сильнее централизаторские тенденции. Россия не просто обширная страна, она росла всю свою историю (с XV до конца XVI вв. ее территория увеличилась в 10 раз, к концу XIX – еще примерно в 10 раз). Население России на протяжении большей части истории растет значительно медленнее, чем территория. Однако столица – Москва – в XVI в. населена примерно 100 тысячами человек (наравне с Лондоном, Римом и Амстердамом), обгоняют ее только Париж и Неаполь (200 тыс.). При этом остальные города России XVI в. имеют население в среднем 3–8 тысяч человек, а средний город Европы – 20–30 тысяч. Столица «пухнет с голоду»: население столицы особенно велико в бедной стране. По мере увеличения территории, уменьшения плотности населения централизаторская тенденция государственного строительства проявляется все сильнее; при плохой связи между регионами страны только сверхцентрализация может удержать ее от распада. Кстати, сходной была ситуация и в Византии: в этой «стране городов» юридические и административные границы между городом и деревней были очень нечеткими, города имели аграрный характер, так что внутри города располагались огороды и виноградники.

Помимо этого, существует **системная** причина: раз образовавшись, сильное государство будет отбирать у бедного населения значительную долю имущества для существования сильной армии и поддержания самого государства, и оттого население богатеть отнюдь не будет, и поддерживать такое сильное государство ему придется силком, для чего и нужно мощное государство. Кроме того, сильное государство фактом своего существования создает напряженность на границах, приобретая агрессивных соседей, что требует усиления государства. Образуется положительная обратная связь: доминирующее государство угнетает экономику, провоцируя комплекс причин, вызывающих усиление государственности.

Системная причина есть один из факторов эквифинальности: раз возникнув, сильное государство самоподдерживается и само создает причины для того, чтобы быть необходимым и возрождаться при нарушениях. Образуется круг причин, который делает неважными все остальные (предположительно исходные) причины. Таким образом эквифинальность делает неважными причинные объяснения. Но если причина события не важна, что же важно для понимания явления? Может быть, важно увидеть, что более высокое, чем одна страна, общественное образование – Европа в целом – дает весь спектр форм от обществ с приматом государственности (Россия на Востоке) до обществ с явственным приматом экономической жизни (Англия на Западе; вне Европы, еще западнее – США). Таково устройство этого общественного целого, его морфологическое сложение. Характер же обеспечения причинами отдельной черты такого членения представляет интерес только для механики развития. Нам может быть интересно, какие причины привели к такому членению Европы. Но надо сознавать, что если бы не сработали эти причины, выступили бы другие группы причин – мы уже видели, что их много, лежат они в разных плоскостях и дублируют друг друга.

Итак, история как поиск причин явлений сталкивается с трудностями методологического характера, потому особую ценность приобретает сравнительно-исторический метод, столь прочно забытый за последние сто лет. В результате работы сравнительного метода мы получаем выделенные объекты – исторические явления – которые выстроены в ряды по степени сходства. Анализ таких последовательностей также представляет собой предмет морфологии истории.

2. Собственное время

Сравнительный метод в истории применяется гораздо шире, чем только для простого сравнения явлений. В приведенном примере с порохом все, в общем, тривиально; когда говорят об открытии пороха, все понимают, что имеется в виду, и установление степени сходства не представляет труда. Гораздо труднее понять, что сравнительный метод создает самую ткань исторического исследования – саму хронологию событий, собственно предмет истории.

Следует различать *хронологию* и *хронометрию*. При хронологизации мы описываем известные нам состояния объекта в той последовательности, в какой они сменяют друг друга, т. е. изучаем собственную изменчивость объекта (*собственное время* объекта). При хронометрировании собственная изменчивость какого-либо объекта транспонируется на внешний по отношению к данному объекту процесс («часы»).

Мыслимы два вида внешнего процесса, на который мы можем транспонировать имеющуюся изменчивость нашего объекта. Первый вид «часов» – «абсолютные» часы – должны не зависеть от любых внешних воздействий, в противном случае они не будут давать независимых показаний и разработанная с их помощью шкала не будет независимой шкалой времени. Но в этом случае изменения изучаемого объекта не будут сказываться на показаниях часов, именно поскольку эти часы «независимые». Тогда для транспонирования нужен внешний наблюдатель, замечающий показания часов в определенный момент, когда происходят значимые изменения объекта. Однако найти такого внешнего наблюдателя весьма непросто.

Второй вид часов – это часы, которые запускаются определенным маркированным событием, а дальше их ход не зависит от исследуемого процесса, что, собственно, и значит, что данный процесс может использоваться в качестве часов. Мы можем представить себе серию часов, которые запускаются в разное время. Примером может служить практически единственный метод, с помощью которого мы можем привязывать некоторые события к абсолютному (независимому) времени, – радиоизотопный анализ. «Ядерные» часы можно считать работающими, если принят постулат о неизменности скорости ядерного распада. Если, например, когда-то скорость распада была иной, чем сейчас, а потом она стала такой, как мы наблюдаем в

современной ситуации, то показания радиоизотопного анализа не дают оснований для датировок процессов, в которые вовлечен распад ядер атомов. По-видимому, постоянство скорости радиоактивного распада является эмпирической закономерностью.

Таким образом, при хронометрировании исторических процессов мы сталкиваемся с рядом трудностей. Практически в исторических исследованиях прямые хронометрические методы используются сравнительно редко и выступают в качестве вспомогательных. Гораздо большее значение для истории как науки имеет не хронометрия, а хронология. Историка прежде всего важно знать, в какой последовательности происходили события. Последовательность событий, данную без соотнесения их с событиями в других событийных рядах, называют собственным временем развивающейся системы. Выявление последовательности событий решает задачу хронологии. Более того, хронология является первичным методом датирования, а хронометрия – вторичным. Дело в том, что любая хронометрия, любая дата есть отнесение собственного времени одной системы к собственному времени другой, по каким-либо причинам выделенной в виде системы отсчета. Когда мы имеем выявленную хронологию событий, мы можем транспонировать ее на другую, хорошо известную нам хронологию, используемую как внешний процесс, как независимые часы.

Обобщенно морфологическое исследование, проводимое для датирования событий, можно сформулировать следующим образом. Проследивая устойчиво наследуемые (преемственно сохраняющиеся) синдромы признаков, мы получаем ориентированные ряды признаков. Совмещая эти ряды тем или иным способом, выявляя корреляции рядов признаков, мы получаем ряды событий. Рассматривая такие ряды, мы получаем представление о последовательности событий, о хронологии. Такой ряд показывает относительное, или собственное, время данной развивающейся системы. *Время есть последовательность событий*. Полученный временной ряд является относительным, или собственным временем развивающейся системы, поскольку он пока никак не привязан к другим временным рядам. Такие ряды решают задачу хронологии, но не хронометрии. Если же мы соотнесем данный хронологический ряд с другим эталонным рядом, мы получим решение задачи хронометрии методами хронологии.

Так устроены наиболее известные методы датирования – стратиграфия и дендрохронология. Изучая в разных регионах последовательности залегания слоев с остатками разных живых форм или относительную ширину колец древесины, составляют обобщенную непрерывную шкалу, которая служит эталоном, позволяя соотносить между собой другие события. Если известна последовательность событий в собственном времени объекта, достаточно «привязать» несколько событий к внешней шкале (стратиграфической в палеонтологии; дендрохронологической в археологии), чтобы датировать (с той или иной степенью точности) ряд интересующих нас событий.

Известные геологические периоды (каменноугольный, юрский, меловой и т. д.) являются примерами работы хронологического метода. Когда говорят, что некоторое событие произошло в «меловое время», этим указывается отрезок хронологической (стратиграфической) шкалы, выстроенной по последовательности смены остатков живых существ в осадочных породах. Обобщенную стратиграфическую шкалу-эталон соотносят с астрономическим временем, принимаемым за абсолютную шкалу. Значит, каждая операция датирования есть результат целой серии соотнесений шкал (локальных шкал, шкал-эталонов, обобщенных шкал собственного времени изучаемых объектов и «абсолютной» шкалы). После соотнесения с астрономической («абсолютной») шкалой можно назвать абстрактную дату (численную дату) события.

Так утверждают, например, что 100 млн. лет назад имел место меловой период развития Земли. Надо иметь в виду, что здесь первична именно понятийная датировка – «меловой период», а численное значение даты является как раз вторичным, менее значимым. Здесь цифры значат значительно меньше, чем смысл слов «меловой период», поскольку эмпирические основания и доказательства имеются в первую очередь для утверждения, что какое-то

событие происходило в меловой период, а вот значение численной даты является результатом очень приближенных суждений.

Абсолютным временем обычно называют астрономическое время. Однако ясно, что это собственное время Вселенной. Никакой иной «абсолютности» в понятии астрономического времени нет. Посредством привязки полученного ряда событий к какому-либо аспекту, связанному с абсолютным временем, можно получить численные значения дат, или просто даты (поскольку слова «меловой период» обычно датой не считаются). Итак, численные даты являются индексами, которые достаточно внешним образом приписываются событию хронологии, чтобы соотнести его с другой последовательностью событий и решить тем самым задачу хронометрии. *Дата есть индекс соотношения двух временных шкал.* Этот индекс может быть выражен в числе, и тогда мы получаем привычные даты, или он может быть выражен в понятии, и тогда мы имеем такую дату, как «меловой период».

Конечно, я не хочу утверждать, что других представлений о времени не существует. Понятие об относительном, собственном времени исходит из методологии естественной истории, изучении реальных вещей реального мира. Но свое понятие о времени существует и у тех областей науки, которые имеют дело с идеальными объектами, с нашими логическими представлениями – короче, с логикой, а не с природой: «Относительное, кажущееся или обыденное время есть или точная, или изменчивая, постигаемая чувствами, внешняя, совершаемая при посредстве какого-либо движения, мера положительности, употребляемая в обыденной жизни вместо истинного математического времени, как то: час, день, месяц, год» (Ньютон, 1989).

Математическая теория времени описывает вечность – ситуацию, где реального времени нет. В этой области существует только логическое следование, причем так, что стадия из одной последовательности мыслимых событий может соотноситься с любой стадией другой последовательности. Неправомерно применяемая к реальному миру математическая теория времени породила представление о *субстанциональном* времени (и субстанциональном пространстве), когда время имеет непосредственного материального носителя – частицу (хронон). Пусть такое воззрение живет своей жизнью; возможно, и у него сыщется достойная область применения: может, найдет свою частицу. Но для описания исторического времени следует пользоваться тем представлением, которое выработали все естественные науки, рассматривающие развивающиеся системы. Такую теорию времени физики называют *референтативной*.

Важно обратить внимание на то, что получение относительного (собственного) временного ряда – в сущности, чисто классификационная задача. Подобный вывод является тривиальным следствием того упомянутого выше факта, что ряд преемственно связанных событий является временным рядом; процесс последовательного соотнесения шкал для разработки хронометрии выполняется с помощью гомологизирования (сравнения) событий. Построение преемственных рядов событий и соотнесение этих рядов является обычной задачей, решаемой средствами меронии и таксономии. Методология сравнительного естествознания указывает, что время принципиальным образом познается в сравнении. Это не делает время субъективным (выдуманным, изменяющимся по прихоти исследователя). Сравнительный метод есть общий метод научного изучения существующих в природе объектов. «Продуктами» сравнительного метода являются не только время и пространство, но и такая объективная и очевидная вещь, как различие между кошкой и собакой, а также, как мы выяснили выше, и сами объекты, изучаемые наукой в реальном мире.

Наблюдаемая нами объективная реальность построена при помощи нашего мышления; реальность является синтезом мирового процесса и процесса мышления. Часто утверждается, что «истинной объективности» человек достигает, очищая наблюдаемое от результатов своего познавательного процесса. Утверждается, что «правильное», научное восприятие состоит в анализе реальности на предмет выявления «элементарных кирпичиков бытия». Такие попытки

проникнуть «под» наблюдаемую реальность с помощью редукции ее мыслительного компонента, – реальность разрушают.

Для того, чтобы лучше понять «функционирование» субъективного времени, можно рассмотреть ситуацию, когда на протяжении некоторого периода в абсолютном времени с рассматриваемой системой форм ничего не происходило (никакого значимого изменения закона композиции системы, или ничего значимого с точки зрения задач, поставленных наблюдателем). Эта ситуация в собственном времени системы описывается не как длительная пауза – собственное время системы в этом промежутке не двигалось, т. е. система «не заметила», что время шло, для нее время остановилось. С точки зрения исследуемой системы между двумя изменениями не было никакой длительности, и утверждать, что эти два изменения разделены большим периодом времени можно только извне, с некоторой внешней точки зрения. Поскольку эта точка зрения внешняя по отношению к развивающейся системе, она по определению будет искусственной, субъективной, имеющей отношение не к реальности как таковой, а к нашим задачам, которые мы формулируем относительно данной реальности.

Именно такова ситуация с «живыми ископаемыми» (персистирующими таксонами) – для них времени нет. Когда делается высказывание, что, например, гаттерия не изменилась за миллионы лет (допустим, что это действительно так), самой формой этого высказывания подразумевается, что это не характеристика самой реальности – гаттерии – а субъективное отношение исследователя к этой реальности. Для гаттерии (как типа определенного таксона), поскольку она не изменилась, между моментом последнего изменения и настоящим временем ничего не происходило и никакой длительности не было. Утверждение о миллионах лет, протекших между этими моментами, делается из другой системы отсчета, и потому только искусственно может быть отнесено к той реальности, которой является гаттерия. Такую ситуацию можно сопоставить с тем, как если бы некий человек вдруг потерял сознание, а потом резко, сразу пришел в себя. У него не было бы никаких оснований утверждать, что между моментом потери сознания и его обретением прошло сколько-то времени (если мы отвлечемся от физиологических механизмов, например, ощущения голода и т. д.). Он вынужден был бы узнавать о прошедшем времени из внешнего источника – например, он мог бы взглянуть на часы, и после этого сказать: «Я был без сознания два часа». Если мы отождествим Я и сознание, это высказывание сразу окажется бессмысленным. Кто был без сознания? Только внешние по отношению к сознанию источники информации могут сообщить, что в них, в этих иных источниках, происходили некоторые изменения между двумя моментами, для сознания ничем не разделенными. Значит, такое высказывание («Я был без сознания два часа») утверждает не тот факт, что между двумя мгновениями моего сознания прошло два часа, а то, что вне меня нечто изменилось. Время идет для тех, кто изменяется, для неизменных систем понятие времени бессмысленно.

Время есть мера изменчивости, оно отражает изменчивость системы. В неизменной системе время не движется вовсе, его не существует. Когда мы говорим, что нечто долгое время не изменялось, мы всегда указываем на то, что другие системы (по которым мы в данном случае и измеряем время) изменялись, а наблюдаемая система осталась неизменной. Все изменения, произошедшие с другими системами, пока в данной системе изменений не было, являются с ее точки зрения одновременными, одномоментными, произошедшими между ее значимыми изменениями. Если предположить, что гаттерия с сегодняшнего утра начнет эволюционировать, то все события, произошедшие в мире с момента, отстоящего на 200 млн. лет, и сегодняшним утром, для нее будут являться одновременными событиями. Понятие одновременности (синхронности) вводится именно таким образом. С точки зрения наблюдателя одновременно то, что случилось между значимыми для него изменениями. Поскольку можно утверждать, что выделенных, каким-то особым образом истинных систем отсчета времени не существует (все мыслимые времена являются чьими-то, это собственные времена каких-

то развивающихся систем), то первичной данностью является именно время данной развивающейся системы, в нашем примере – вдруг начавшей изменяться гаттерии, для которой 200 млн. лет представляют собой один неразрывный и недлительный момент времени. Любые другие оценки происходящего являются вторичными, интерпретирующими истинное событие с точки зрения другой системы, в собственных целях этой другой системы и с этой точки зрения – субъективными.

И наоборот, если в какой-либо относительно небольшой (с точки зрения стороннего наблюдателя) промежуток времени, за который раньше с этой системой ничего значимого не случилось, система вдруг претерпела большое количество изменений, это означает, что собственное время системы относительно шкалы абсолютного времени (или времени, принятого за абсолютное) ускорилося. Так, критические периоды в онтогенезе, когда зародыш особенно чувствителен к воздействиям, когда происходит большинство дифференцировок тканей и органов, представляют собой именно такие участки ускоренного времени. Ускорения и замедления времени легко видеть на хронологических шкалах исторических событий. Даже не ранжируя события по значимости, из самого поверхностного рассмотрения очевидно, что в XIII–XIV вв. в России время текло медленно, а при Петре – очень быстро.

Время в Средние века двигалось в Европе медленнее, чем в Возрождение или позже, в XIX–XX вв. Достаточно бессмысленным является, скажем, сравнение числа великих людей, появившихся в единицу абсолютного времени за эти два периода (социологическая методика Питирима Сорокина). То, что за сто лет в один период появляется меньше «значимых» (с точки зрения современной культуры) личностей, чем за сто лет в другой период времени, может указывать как на действительный факт «оскудения талантами», так и на иную скорость течения времени. Только выяснив относительную скорость двух периодов времени, можно высказать суждение о богатстве (или бедности) данного периода какими-либо событиями, в частности – рождениями великих людей.

Процесс, в котором преемственность ограничена, в меру этого ограничения выпадает из времени. Пример – циклические процессы. Непосредственно наблюдая циклический процесс, мы можем приписать каждой его стадии числовой индекс, датировать стадии процесса. Однако, поскольку этот процесс циклический, система по окончании цикла «забывает» все происшедшее. Собственное время такой системы замкнуто. Даты, относящиеся к различным циклам, не осмыслены для данной системы; такие даты ничего в ней не характеризуют и могут использоваться только для внешних и в этом смысле субъективных целей (например, для подсчета исследователем числа циклов), не характеризуя ни один из существенных процессов в системе. Так, в Китае конца XIX – начала XX вв. осуществлялись преобразования, которые в России происходили как во времена Петра Великого, так и во времена Ульянова-Ленина. И дело не только в том, что неким метафорическим образом в Китае Петр и Ленин действовали одновременно, а еще и в том, что реальные Петр Великий и Ленин с точки зрения Китая действовали одновременно: события, озаглавленные действиями этих личностей и происходящие в России, по «китайскому календарю» происходили одновременно. Датирование обретает смысл только для направленных процессов, а также псевдоциклических, в которых цикл не замкнут и на больших промежутках времени можно наблюдать существенное изменение системы.

В собственном времени системы существуют и «кольца времени». Таковы физиологические функции, обычно протекающие циклично. Время в этих процессах течет очень бурно, но в результате высокой степени повторяемости структуры процесса система «забывает» все, что происходило до начала ныне продолжающегося цикла. Разумеется, «забывает» только в аспекте рассматриваемой физиологической функции. Ведь одновременно в организме идут и другие процессы с другими характерными временами, для которых периоды «забвения» могут быть существенно иными. Сходные процессы происходят и в филогенезе (эволюционном развитии организмов). Примеры такого рода довольно редки, но все же имеются: такова, напри-

мер, картина эволюции акул. Неродственные между собой и очень схожие формы несколько раз возникали в филогенезе акулых рыб. В эволюционном развитии такие примеры редки, поскольку в филогенезе нет организационного субстрата, подобного генотипу, обращение к которому обеспечивает повторение онтогенезов. Точно так же и в истории наблюдаются только псевдоциклы, точного повторения всех состояний всех происходящих в обществе процессов не бывает. Однако если существенные переменные общественной жизни не испытывают длительного направленного развития, такое развитие приобретает многие черты циклических процессов, что видно на примере истории Китая или Египта.

Чтобы убедиться в наличии аспекта цикличности исторического времени, достаточно вспомнить развитие революционного движения в XIX веке (Достоевский в зрелые годы с ужасом наблюдал, как воскресают обступавшие его в юности бесы). В конце XX века Россия в существенных чертах повторила самое его начало – большинство политических вопросов обсуждалось таким образом, будто периода советской власти не было, историческое развитие в 90-е годы шагнуло в 1910-е. Новое время как целое в значительной мере повторяет развитие древнеегипетской цивилизации. Разумеется, отличий не счесть, но образ жизни после городской революции обладал множеством сходств с обществом нового времени: многоэтажные дома, в которых комнаты сдавались внаем, и виллы богатей; записные книжки деловых людей, канализация, солнечные очки, современные моды и женская косметика, отношение к гигиене тела; строительство гигантских сооружений, развитие астрономии и космологии, математики... Интерес к астрономии, математике и естественным наукам характерен для египетского времени – и для Нового времени, античность же обладает противоположными чертами. «...Античность в соответствии с ее установкой вообще как бы не «видела» техническую часть космоса цивилизации, не проявляла к ней никакого интереса (как известно, кроме данных о сводах нет ни одного достойного внимания упоминания о технических открытиях античности); интерес античности был направлен исключительно на интеллектуальную и теоретическую область...» (А. Вебер, 1999). Важно обратить внимание на такую стилистическую черту культуры, как отношение к личной гигиене. Как древнеегипетское, так и Новое время уделяли большое внимание чистоте тела; в промежуточный между этими эпохами период люди предпочитали оставлять этот аспект жизни без внимания. Этот показатель имеет различные глубокие корреляции с устройством душевной жизни людей. В целом по этому показателю новое время гомологично древнеегипетскому и существенно отличается от лежащей между ними эпохи греколатинской цивилизации.

Я упомянул несколько циклов культуры разной длительности – от нескольких десятилетий до тысячелетий. Подобные циклы разной длины можно наблюдать в государственном строительстве (периоды раздробленности сменяются временами усиленной интеграции), в экономике. За последние десятилетия экономисты открыли более десятка «экономических волн» разной длительности: 10–12 лет, 25, 50–60, 150 и более. Одни циклы начинаются с промышленной революции в Англии (конец XVIII в.), другие прослеживаются еще со времен средневекового Китая. Можно заключить, что определенная степень повторяемости, определенная цикличность широко распространена в истории. Исторические циклы накладываются на общий поступательный ход истории, на общую эволюцию человечества, и в результате эволюция эта выглядит как поэтапное развитие; можно сказать, что за период несколько больший двух столетий сменяется «стиль времени», и число этих стилей фиксировано, так что каждый большой цикл истории (он включает чуть более двух тысячелетий; таким циклом является греколатинская эпоха; Новое время есть новый цикл, самое его начало) состоит из набора «повторяющихся времен». Достаточно ознакомиться с литературой по истории стилей в искусстве, циклах в экономике и проч., чтобы встретить множество параллельных явлений. Во многом такие параллели в соответствующих областях знания уже отмечены, хотя и не сведены к единым формам.

Итак, выявление ряда событий, ориентирование его и установление тем самым собственного времени развивающейся системы, является, по сути, классификационной задачей и решается типологическими методами. В существенных своих чертах методика определения хронологизации развивающейся системы является развернутым вариантом сравнительно-исторического метода. Другая задача – хронометрическая, привязка этого относительного времени к абсолютной шкале – обычно осуществляется соотносением не с самой абсолютной шкалой (точнее, как говорилось выше, со шкалой, принимаемой за абсолютную), а с другой относительной шкалой, которая полагается в данном приближении близкой к абсолютной. В результате эта задача также решается сравнительным методом.

Понятно, что привязка палеонтологических образцов к истории земной коры посредством стратиграфии представляет собой привязку к относительной шкале собственного времени Земли. Тем самым задача всегда сводится к гомологизации шкал, к сравнению самих шкал. Совершенно очевидным в этом отношении является именно пример стратиграфии. Стратоны (слои земной коры) представляют собой зримые мероны (классифицированные части организма) и к тому же в последовательности их залегания непосредственно «материализуется» время (принцип Стенона). Значит, задачи хронологии (установление собственной последовательности событий) и хронометрии (привязки ряда событий к другому ряду) решаются с помощью типологических процедур. Основным методом исторических наук оказывается типологический метод, основанный на сравнительном методе.

Можно попытаться опровергнуть это утверждение, сославшись на то, что в отличие от природы у истории есть сознательные летописцы, внешние наблюдатели, которые без всякого гомологизирования шкал указывают в своих свидетельствах даты происходящих событий: «В лето от рождества Христова 2000...». Это возражение опровергается указанием на методы обращения с исходными датами на документах. Это только кажется, что историку даты даны непосредственно. Однако чуть более углубленное исследование вопроса показывает, что с этими «очевидными» датами дело обстоит также, как и с прочими историческими реалиями – они выясняются путем гомологизации, соотношения с другими событиями, установления сходств и различий. Красивый пример относительной ценности аутентичных свидетельств дает греческая археология. В городе Приене на стене древнего здания нашли надпись, озаглавленную: «Имена эфоров», – и список из 15 имен, знаменитых спартанских имен... На весь список – только один эфор (Брасид). Здание это было гимнасией, надпись – древней шпартгалкой, составленной к тому же «двоечником». Аутентичное свидетельство оказалось неверным. Так же поступает историк с датированными документами – проверяет, истинны ли указанные на них даты. А проверка эта возможна только одним способом, который сводится к гомологизации событий, о которых говорится в документе, с событиями, известными из других источников. Никакое, даже самое подлинное историческое свидетельство не может быть включено в хронологическую шкалу помимо морфологического исследования, сопоставляющего этот факт с другими. Если какие-либо датировки вызывают сомнения (а в пределе это – все датировки), то истинный ход событий устанавливается сопоставлением различных систем датировок и сравнением событий.

Ярким (хотя и отрицательным) доказательством тому является «новая хронология» А.Т. Фоменко. Фоменко (вслед за Морозовым) демонстрируют попытку пересмотра «писаной истории» человечества методом гомологизации событий и отождествления сходных событий. Другое дело, что гомологизация эта производится достаточно бессистемно и по недостаточному синдрому признаков, недостаточно проверяется на взаимное соответствие и т. д. Для нас сейчас важно отметить, что в гуманитарных областях хронометрическая работа с данными ведется по тому же принципу, что и в области естественных наук: производятся гомологизации событий, проверка на соответствие с окружающими группами событий (соотношение с локальными шкалами) и окончательное присвоение места на временной шкале («даты»). Проще говоря,

Фоменко – очень плохой историк, и то, что профессионал делает виртуозно, автоматически, так что и рук не видно, у Фоменко явственно проступает в неуклюжих познавательных актах.

На языке биологии метод хронологизации событий, то есть установление их последовательности в рамках единой шкалы времени, состоит в анализе мерономического строения исследуемых архетипов, установлении высшего уровня мерона, отличающего данное событие от сходных, соотнесение уровней меронов и рангов таксонов. На языке истории эта методология формулируется в иных терминах: анализируются признаки сопоставляемых событий (например, феодальных договоров в России и Франции), устанавливаются различия и сходства, что позволяет сделать вывод либо о разной природе этих явлений (скажем, об отсутствии на Руси феодализма), либо о принципиальном сходстве их и возможности их объединения в рамках общего понятия (феодализма, со своими, но не слишком существенными вариациями во Франции и в России). Точно так же в биологии сопоставляются признаки, например, кита и собаки, устанавливаются различия и сходства, и делается вывод либо о разной природе этих организмов (о том, что они принадлежат к разным таксонам, отрядам китообразных и хищных соответственно), либо о принципиальном сходстве их и тем самым об объединении в один крупный таксон (класс млекопитающих), в рамках которого их планы строения предстают как вариации одного архетипа. Тем самым сравнение свойств приводит не просто к суждению о сходстве или различии, но указывает на уровень отмеченных сходств. На самом деле метод значительно более тонок, он позволяет устанавливать еще и значимость явлений и тем самым их место в системе сравнения (чему в биологии аналогичен ранг таксона).

Итак, основополагающим методом истории, как и естественных наук, является типологический метод, начинающийся со сравнения объектов. Благодаря сравнению событий выстраиваются представления о группах сходных явлений, обозначаемых одним именем; выявляются границы, объемы этих групп, а также их содержание, устройство. В результате у исследователя появляется картина мира, которая позволяет выдвигать осмысленные гипотезы о новых свойствах явлений и проверять эти гипотезы, уточняя состав и строение групп сходства. Все эти познавательные операции начинаются со сравнения (гомологизации) явлений по их частям (аспектам, признакам), организации рядов сравниваемых явлений. Значит, для того, чтобы ознакомиться, хотя бы поверхностным образом, с результатами работы сравнительного метода, нам придется сначала выстроить некоторое количество рядов сходных явлений в разных исторических целостностях. Только после этого можно будет представить, к чему подводит нас изучение истории сравнительным (типологическим) методом.

Глава II

Морфология общества

Гармония сфер. – Трехединая формула общественного устройства. –
Государство. – Экономика. – Культура. – Свободная культурная жизнь:
преемственность и образование. – Университет. – Экология культуры. –
Разнообразие культуры.

Три части общественного целого

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению рядов гомологических (сходных) форм, наблюдаемых в истории, нам потребуется хотя бы предварительное представление о наиболее общем членении общественного целого. Общественным целым является любое человеческое общество и любые его подразделения или объединения, состоящие из обществ: народ, более высокие объединения людей («сверх-народы»), человечество в целом. При рассмотрении жизни таких целостных общественных организмов естественно выделить три крупные сферы, три больших объединения органов общественного организма: хозяйственную жизнь, сферу государства и права, а также культурную жизнь.

Такое деление на три сферы сложилось очень давно, оно существовало уже в Средние века. Средневековые мыслители выделяли в обществе три сословия: «те, кто молится», «те, кто воюет» и «те, кто трудится». Это деление можно проследить и в еще более древние времена, не только до-античные, но и до-египетские. Такое деление связано с рассмотрением общества как организма, в котором есть «голова», «руки» и «живот», система обмена веществ. Организмическая концепция общества существовала повсеместно во всем Древнем мире. Например, помимо Европы, она четко прослеживается в китайской историософии. Сегодня этот взгляд считается наивным, однако на практике он продолжает существовать. Это можно видеть на примере судьбы науки экологии. То, что сегодня называют экологией, все в большей степени становится не наукой биологического цикла, а подразделом наук социальных, ответвлением глобальной экономики. Общество рассматривается как организм, и его отношения с окружающей средой – добытие материальных ресурсов, выделение отходов – и есть предмет экономической экологии, или, по современному словоупотреблению, просто «экологии». Восприятие общества как организма и подразделение общественного организма на части является очень древней и существующей по сей день традицией.

Это старинное понятие о делении общества в XX веке было обновлено и наполнено новым смыслом Р. Штейнером. Не касаясь детального рассмотрения идей этого мыслителя, проследим только мысль о трехчастном строении социального организма. Штейнер высказал идею, что в связи с развитием общества трехчленность приобрела в современном обществе новый смысл. А именно, прежде полагалось, что общество – и древнее, и в значительной степени современное – отчетливо членилось на классы. Люди в обществе могут быть расклассифицированы таким образом, что одни занимаются одной группой социальных работ, а другие – другой группой. В отношении этой мысли философы древнего Китая, средневековые европейские схоласты и марксисты окажутся единодушны. Штейнер показал, что общество на современном этапе – его интегрированность, степень осознанности включения людей в это общество – стало таким, что прежнее деление необходимо заменить новым, когда три части общественного целого продолжают существовать, но это именно части социального организма, а не группы людей. Имеется в виду очень простая мысль: прежде было осмысленным выделять

в обществе группу «тех, кто кормит», кого бы здесь не подразумевали – от крепостных крестьян до бизнесменов. Современное общество самоорганизуется в ином направлении – область хозяйственной жизни сохраняется и развивается, но к ней должен иметь отношение каждый человек, и каждый человек вовлечен в иные общественные сферы, связанные с производством духовных ценностей либо с правом. Здоровое общество должно быть устроено теперь таким образом, что не должно быть «тех, кто кормит» и «тех, кто правит», хотя сферы хозяйственной и правовой жизни сохраняют и даже увеличивают свое значение. В современном мире можно наблюдать определенное, хотя и весьма противоречивое, движение именно к этой ситуации. Например, укрепление идеала демократического государства создает основу именно для такого положения дел, когда к государственно-правовой сфере имеет то или иное отношение любой человек (хотя бы как избиратель); также и современная экономика, всемирная по характеру и отличающаяся глубочайшим разделением труда, вовлекает каждого человека в определенную связь с обменом товаров и услуг. Нормальным следовало бы признать и то, чтобы каждый человек мог в той или иной степени участвовать в культурной жизни общества. Эта интегрированность общественных сфер в их приложении к человеку и является тем связующим звеном, которое не позволяет изолирующимся и специализирующимся общественным сферам распасться. Если прежде гарантом целостности общества выступала правовая сфера, государство, которое цементировало все проявления жизни общества в нечто монолитное, то теперь такого уровня интеграции уже не хватает. Общество развивается, и специализированность его частей требует нового уровня интеграции их в единое целое. Таким новым уровнем интеграции может выступать только человек; общественные сферы, замыкающиеся на каждом гражданине, способны взаимодействовать с особой силой, оставаясь каждая в качестве общественной сферы совершенно самостоятельной. В общем смысле такое положение связано с различным уровнем целостности этих образований – человека и общества. Человек является значительно более связной, более целостной системой, чем общество, и потому намного устойчивее поддерживает любые структуры, чем чисто-общественные механизмы. Так обстоит дело и в биологии: многие популяционные механизмы поддерживаются приспособлениями отдельных биологических особей, а вовсе не свойствами популяций как таковых.

Итак, мы выделяем в обществе три крупных части: экономику, государство и культуру. В культуре люди проявляются в соответствии с их индивидуальными способностями, талантами, достижениями. По этой причине к культурной жизни общества относится то, что создают люди в качестве произведений искусства, философии, науки, то, что появляется как религиозная жизнь, а также и проявления индивидуального таланта в предпринимательстве, в бизнесе, – это тоже относится к культуре. В сфере государства и права люди выступают как равные, равные перед законом, и к этой сфере может относиться только тот аспект общества, в котором люди равны друг другу. Сфера экономической, или хозяйственной жизни общества – это та, что включает в себя все, связанное с обменом товаров, с производством материальных благ, с общением людей между собой для удовлетворения своих потребностей. Соотношение развития этих трех систем органов определяет собой жизнь общественного целого, в частности, определяет исторические судьбы людей. Если какой-то из этих органов переразвит, или напротив – развит слишком слабо, это сказывается на здоровье всего общественного целого.

Рассмотрим теперь эти части общественной жизни по отдельности. Сфера культурной жизни (понимаемой как орган общественного целого, а не в каком-нибудь более специальном смысле) значительно шире, чем это обычно представляют. Даже в университетских программах, не говоря уж о газетных статьях, сейчас можно встретить названия типа «Культура и наука». Сферу культуры сейчас отождествляют с искусством; культуру рассматривают наравне с такими понятиями, как наука или религия. В действительности культурная сфера включает в себя не только искусство и философию, но и науку, а еще такие явления, как язык, религиозную жизнь, жизнь тех образований, которые естественно называть «народными душами», но

принято именовать «национальными характерами». Культурная сфера включает также то, что можно обозначить как проявление этих национальных характеров в конкретных исторических условиях – то, что называется «культурой быта», «стилем поведения», что выступает в более обобщенном виде как мораль и рационализируется в качестве этики.

Экономическая сфера сосредоточена на процессах обеспечения самой жизни людей и их объединений. Не следует полагать, что экономика «материальна» по сравнению с духовной культурой. На деле она столь же духовна (или бездуховна), какой может быть культура; культура и экономика различаются не степенью духовности, а разным положением по отношению к ней. В экономическую жизнь входит не только «бизнес», предпринимательская активность, и не только заботы о ресурсах экономики, связанные с добыванием первичных продуктов из природы. Экономическая жизнь включает также многочисленные, свойственные только ей контролируемые системы (финансы, кредитные системы и проч.), а также некоторые аспекты человеческого труда и такие акты, как дарения и пожертвования.

Еще один аспект духовной жизни общества, наиболее абстрагированный и обобщенный, заключается в сфере государственно-правовой жизни. Он включает особую сферу правовой жизни, а также различные аспекты, связанные с законодательством, международными отношениями, поддержанием правопорядка, жизнью государства.

Если сфера культуры представляется массовому сознанию значительно уже чем она есть на самом деле, то государственная сфера, напротив, в действительности уже, чем сейчас принимается. По сути, она включает только то, что относится к сфере права – законы и временные постановления, надзор за их исполнением, а также искусство управления государством – политику. В реальных условиях исторической жизни государственно-правовая сфера отвечает за контроль насилия внутри общества и защиту общества от насильственного вторжения другого общества – от посягательств государственно-правовых сфер иных общественных целых. Институты государства – суд и полиция, армия и флот; его заботы – законы и дипломатия. Управление хозяйственной сферой общественной жизни и культурной сферой не входят в его задачи. При этом сфера правовой жизни все же несколько шире, чем это сегодня принимается. Например, взаимоотношения, складывающиеся в процессе труда и, в частности, размер заработной платы, – эти явления входят в состав правовой, а не хозяйственной жизни.

Самым кратким образом описав состав и функции частей общественного целого, можно задаться вопросом: как мыслится взаимодействие этих сфер? Общество является развивающейся системой, и как любая развивающаяся система, не может остановиться. Если «остановить мгновение», общество погибнет как организм, которому не дают дышать. Пока организм живет, он не неподвижен. *Синхронный срез общества является не реальным фактом, имеющим место в жизни, а абстракцией, схемой*, удобной для некоторых исследовательских целей, но не отражающей всех аспектов реальности. Реальное общество диахронно, оно живет в истории. Поэтому взаимоотношения сфер (органов) общественной жизни следует рассматривать в динамике, в развитии.

Факты общественной жизни требуют их рассмотрения с точки зрения развития, движения, взаимодействия сфер. Ежеминутная жизнь экономики, использующей выработанные в культуре технологии и открытия, каждодневная жизнь государственно-правовой сферы, связанная с «культурными технологиями» (всеобщая воинская повинность, суд присяжных, парламент, свод законов), – прямо зависят от работы сферы культуры. В каждом остановленном мгновении станки уже работают и законы уже написаны, так что на культуру приходится «раскошелиться даром», но эти законы, рассматриваемые в процессе их разработки, а станки – в процессе конструирования, являются продуктами культуры. Более того, не только орудия труда, но и сам труд – продукт культуры. Умение тщательно, интенсивно, добросовестно трудиться – по меньшей мере такая же важная черта культуры, как манера приветствия или особенности религиозной философии. Существующие сейчас общества чрезвычайно различны

по культуре труда. Можно вспомнить трудоголиков-японцев. Можно понаблюдать за манерой ручного труда китайцев и корейцев. И можно видеть, как делается работа – здесь речь идет о стиле, поэтому для примера годится любая работа – в большинстве стран Африки, Южной Америки. Или в России. В историческом срезе весь общественный организм кормится от культуры – не от экономики. Для человеческого общества (и в частности для страны) недостаток в культурной сфере аналогичен голоду для индивидуального человека. Насколько верной, жизненной, практической мудростью является суждение, что человека надо сначала накормить, дать необходимое, а уж затем приобщать к знанию, настолько же практической, жизненной является эта же мудрость в приложении к обществу: его надо сначала напитать культурой, а потом уж развивать экономически.

Красивый пример описал Лесков. Дело происходило в прошлом веке, однако ситуация симптоматичная. Некий просвещенный русский помещик захотел облегчить жизнь своих крестьян. Выделил деньги, нанял немца-управляющего, объяснил задачу. Для крестьян были построены благоустроенные дома (так сказать, коттеджи). Через год помещик приехал посмотреть, как живут крестьяне. Оказывается, по-прежнему в старых своих избах, которые топят по черному. Новым коттеджам тоже нашлось применение: в них ходили испражняться. Нечто со стенами и крышей – дом, только когда к нему привык, а иначе это просто нужник.

Неподготовленное в культурном отношении общество просто не сможет воспринять экономические дары, любые экономические (и государственные) блага будут ему не впрок. Экономические блага усваиваются в той степени, в которой общество культурно. Бессмысленно давать безалаберному человеку деньги в долг, его надо научить работать. Современное общество мыслится сейчас по Марксу; марксистское в основе своей мышление победило во всем мире, – невзирая на то, что социалистический лагерь рухнул. Мысль Маркса состоит в том, что существует «экономический человек», который стремится работать поменьше, а получать побольше, «потребности» которого растут, и он стремится заработать, чтобы удовлетворить свои желания.

По этому поводу был проведен интересный эксперимент (нет, я имею в виду не столь масштабный, как тот, в котором мы участвовали). В одной из областей Германии существовали сезонные сельскохозяйственные рабочие. Перебивались они зиму как придется, а к осени их нанимали окрестные фермеры-землевладельцы для уборки урожая. Работа сдельная, и что-то им там платили за мешок. Эксперимент состоял в том, что решили фермеры, посоветовавшись с профессорами-экономистами (Германия все же), убрать урожай побыстрее, поинтенсивнее, чтобы раньше других хозяев поспеть с товаром на рынок. Профессора посоветовали поднять ставки сезонных рабочих. Логика простая: все доходы рабочих – за эти недели уборки. Им предоставляется возможность, работая интенсивнее, заработать больше. Результат был обескураживающий: рабочие стали работать медленнее и раньше бросали работу, урожай едва успели собрать в прежние сроки, ускорения не было. Почему? Рабочим была нужна определенная сумма, которую они привыкли вырывать за этот период на протяжении многих лет. Повышение расценок дало им возможность заработать ту же сумму за меньшее время, и заработав ее, они весело отправлялись пить пиво, вовсе не стремясь наращивать свои потребности (пример, довольно часто цитировавшийся в начале века; см.: Вебер, 1990: 81–82).

В этом маленьком примере совет, который дали профессора-экономисты, показывает, что «по Марксу» думают сейчас везде. Экономическая сфера (как и прочие сферы общества) воспринимаются сейчас как машина, устройство которой в общих чертах понятно тем, кто стоит во главе общества. И они честно пытаются жать на «нужные кнопки», уверенные, что реакция «машины» вполне предсказуема. Однако «экономический человек» – абстракция, выдумка, его нигде не существует. Правда, в общественной жизни выдумки могут быть осуществлены и, воспринимая общество как машину, его можно таковым сделать – но это будет

совсем другая история. Воплощение нежити силами человека происходит достаточно часто, но сейчас мы описываем нормальное состояние общества, а не всевозможные его заболевания.

Итак, когда мы подходим к обществу, не шинкуя его на синхронные срезы, а исторически, то выясняется фундаментальная ценность культуры. Даже те плоды культуры, которые кажутся оторванными от сегодняшних экономических нужд, не бесполезны: это вложения в будущее. Причем не «добавочные вложения», не то, без чего в будущем можно будет обойтись. Эти не оправданные для сегодняшней экономической жизни действия культуры и составляют то, чем будет жить общество завтра. Это верно не только для непосредственных результатов культурной работы: для невостребованных открытий и непонятых книг. Это верно для любой составляющей самого обычного экономического действия. Когда мы работаем, мы получаем определенную плату.

Можно работать таким образом, что многое вкладывается в труд бескорыстно, из энтузиазма, без оплаты. То, что не оплачивается в труде, то, что вложено в результат труда из чистого культурного энтузиазма, есть плоть будущего. Будущее строится сегодня и для своего развития оно берет из сегодняшнего дня то, что сделано из избытка сил, из энтузиазма, то, что не оплачено. Соответственно, в хозяйственной сфере общественной жизни можно выделить самостоятельный аспект, связанный с дарением (стипендии и гранты, благотворительность и пожертвования). Дарение – не случайная личная прихоть, оформляемая юридическими и хозяйственными установлениями, это полноправная составляющая экономического процесса.

В динамическом срезе здоровое общество характеризуется определенным рисунком отношений своих органов, аспектов, сфер: культуры, права, экономики. Нарушение взаимодействия и взаимообмена между сферами приводит к общественным болезням. Современное общественное устройство таково, что в одних странах, культурах явно доминирует государственная сфера над экономической и культурной, а в других регионах экономическая жизнь подмяла иные сферы. Именно так болеют организмы: в их строении наблюдается дисгармоничное развитие частей или аспектов, от чего целое чувствует себя больным (скажем, нарушения обмена веществ). Все признают, что современное общество – больное, хотя причины болезни называются самые разные. Как только мы вычленим части, из которых состоит общественное целое, мы тут же подходим к вопросу о том, как должны соотноситься части общественного целого, чтобы это целое было здоровым. Из вопроса о составных частях общественного целого прямо вытекает вопрос о правильном соотношении этих частей, необходимом для здорового развития целого.

Гармония сфер

Органы в живом организме обладают различной *специализацией*. Существует определенная связь между степенью самостоятельности частей целого и устройством этого целого. Предположим, у организма есть орган, выполняющий некую функцию, важную для организма. Однако тот же орган всегда выполняет еще множество функций, а кроме функций, важных для всего организма, орган должен также поддерживать свою жизнь, а это значит, у него имеются функции самообеспечения. Если для организма важно, чтобы орган лучше (интенсивнее) выполнял какую-то одну функцию из всего набора, орган должен быть в большей степени приспособлен для выполнения именно этой функции. Особым образом приспособленный орган выполняет эту главную для организма функцию лучше, и поэтому организм в целом оказывается более устойчивым к воздействиям среды. Однако приспособление органа к наилучшему выполнению одной функции делает его почти непригодным для выполнения других, побочных функций. Более того, такой орган в пределе оказывается неспособен выполнять функции самообеспечения; такой орган, хорошо выполняющий одну функцию, в своем существовании

в гораздо большей степени зависит от целого организма, чем прежний орган, который выполнял множество функций, и в том числе все функции самообеспечения.

Такое приспособление к выполнению единственной функции называется специализацией. Специализация подразумевает, что орган начинает все больше отличаться по своему строению от других органов. Ведь не может быть улучшение функционирования самого по себе; оно достигается путем каких-то перестроек внутри органа. Значит, специализированный орган будет устроен существенно иначе, чем прочие органы организма, будет все сильнее отличаться от них. Такое расхождение в строении органов в результате специализации называется *дифференциацией*.

Специализация позволяет интенсифицировать выполняемую функцию, но предельная специализация оказывается несовместимой с жизнью – чем более орган специализирован, тем более он мертв. Поэтому наиболее специализированные части живых организмов оказываются в меньшей степени живыми, чем прочие – таковы нервы, клетки которых не размножаются, кости и отчасти сухожилия, некоторые части глаза. От живого органа, который с легкостью самоподдерживается и может даже некоторое время жить вне организма, трудно добиться хорошего выполнения какой-то внешней по отношению к данному органу, нужной всему организму функции. А специализированный орган трудно заставить жить. Как только что-то живое начинает существовать не ради себя самого, а ради внешних по отношению к нему нужд, как это живое умирает. А живущее не может эффективно служить органом для другого целого. Таково противоречие жизни и специализации.

Поэтому сложное, составное целое, которым является организм – и живой, и общественный, – вынуждено решать это противоречие. *Увеличение устойчивости организации целого подразумевает дифференциацию и специализацию частей*: части становятся все более непохожими друг на друга, все более приспособленными для выполнения своих особых функций. Но каждый орган в отдельности становится более мертвым, не способным существовать сам по себе. По этой причине рост уровня развития организма в живой природе сопровождается утратой способности к регенерации, к самовосстановлению. Амеба размножается делением; морского ежа или дождевого червяка можно разрезать на две части, и каждая вырастит недостающие органы и сможет вести самостоятельное существование. А более высоко организованные живые существа не способны восстанавливать утерянные важные части.

Любой процесс дифференциации и специализации сопровождается усилением интеграции целого организма. Все более несамостоятельные органы требуются особенно прочно увязывать между собой, эти ранее почти независимые органы теперь могут существовать только вместе, только благодаря интегрированности в единый организм. *По мере специализации органов целостность организма возрастает*. Интеграция в целое более высокого порядка и специализация частей – две стороны одного процесса, одного без другого не бывает. Любая целостность цела настолько, насколько ее части специализированы.

Дифференциация частей и интеграция целого – две стороны одного процесса. Недостаточная дифференциация, выполнение разными частями сходных функций влечет падение интегрированности и устойчивости развития целого. Когда в организме падает дифференцированность его органов, органы приобретают большую самостоятельность, начинают быть более живыми, живут все более по своим законам, все менее нуждаются в связях с другими органами. Тогда организм становится все менее развитым, деградирует, его сложность и целостность уменьшаются, ему грозит распад – что и означает, что падает устойчивость такого организма. Если дифференцированность органов возникает из их специализации, из выполнения только им свойственных функций, то падение дифференцированности – это уменьшение специализации. Орган начинает вновь выполнять множество функций, в пределах он стремится выполнять все функции, стремится обособиться от организма. То есть падение дифференцированности выражает себя в том, что некоторый орган начинает выполнять функции других

органов, вместо одной функции, которую он ранее выполнял в совершенстве, орган теперь выполняет множество функций, но все – так себе.

Как в любом органическом целом, части которого специализированы и потому относительно автономны, части общественного целого – культура, экономика и государство – должны быть относительно независимы друг от друга, должны быть специализированы. Так было не всегда: легко вспомнить, что когда-то эти сферы не были разделены, общественная жизнь была едина. Медленно выкристаллизовывались в общественной жизни первые «профессии»: жрец, воин, кузнец, торговец... По мере эволюции человеческого общества в нем происходила дифференциация (специализация) частей, точно так же, как из единой прежде культурной жизни развились столь автономные ныне области, как искусство и наука, религия и язык. Раньше эти вещи нельзя было разделить, наука и искусство были неотделимы от мастерства. Управление обществом, называемое теперь политикой, было раньше неотделимо от религии, этики и философии. Теперь все эти сферы общественной жизни сильно развились и дифференцировались. Каждый крупный общественный орган – культура, хозяйственная жизнь, государственно-правовая сфера – четко подразделены на целостности подчиненного порядка, точно так же, как наука подразделяется на тысячи отдельных наук. Специализация такого рода зашла уже очень далеко. Сейчас уже начинает забываться, что входит в состав культуры. Например, наука и религия, или язык, уже значительно выделились из распадающейся общекультурной целостности. Уже высказываются сомнения, что вообще есть такая вещь, как наука в целом – некоторые методологи полагают, что существуют только конкретные науки, а наука в целом есть вымысел других, недоброкачественных методологов.

Утрата специализации в сегодняшней культуре привела бы к распаду общественного целого: наука, слившись с другими подсистемами культуры, утерьяла бы свой метод и перестала быть плодотворной; искусство свелось бы к ремесленничеству; даже религиозная жизнь рухнула бы, потеряв плоды своей тысячелетней эволюции. Части должны развиваться иным путем: усиление их интеграции может привести к новому синтезу частей, прорастанию их в более крупные и сложные образования, но простая декомпозиция существующих частей является смертью тех целостностей, которые из них составлены. Такая же ситуация складывается и на более высоком уровне: подобно тому, как дифференциация подразделов культуры обеспечивает нормальное их функционирование и жизнь всего общественного целого, точно так же для здоровой жизни общества необходимо поддержание различий, дифференциации составляющих общество частей – государственно-правовой жизни, хозяйственной и культурной жизни.

Понять что-либо в истории можно только тогда, когда имеется представление о том, что должно быть, а не только о том, что есть. Иначе нет предмета для понимания – понять можно только осмысленный процесс, а не случайный. Долженствование здесь понимается не в моральном смысле, а в нормативном – должно быть здоровым, но не всем это удастся. Понять болезнь можно, только зная, как выглядит здоровое состояние. Поэтому история, претендующая только на описательность, теряет свой предмет, становится неправдивой. Рассматривая части общественного целого в любом реальном обществе, надо констатировать существующее в нем соотношение частей и указать, какие из них развиты неправильным образом, недоразвиты или переразвиты, сверхспециализированы или специализированы слишком слабо, так что не выполняют должным образом возложенные на них функции, важные для целого общества.

Итак, для поддержания существования дифференцированного (и по причине этой дифференциации целостного) общественного организма члены этого организма должны обрести определенную специализацию. Особенность современного этапа соотношения сфер общественной жизни в том, что для здорового существования целого эти сферы, за время исторического развития достаточно специализировавшиеся и дифференцировавшиеся, должны теперь еще более автономизироваться друг от друга, работать каждая в соответствии с характерными для нее модусами существования. Часто можно слышать, что современное обще-

ство «сложно устроено». На самом деле оно устроено недостаточно сложно. Сложность можно понимать как сложность описания места каждой песчинки в куче песка, но правильнее это называть неорганизованностью. Иная сложность – синоним целостности, сложной взаимной интеграции частей в целое. Современное общество очень неорганизовано, в нем слишком мало сложности. Развитие общества сейчас подошло к такой стадии, когда требуется еще большая, чем ранее, специализация сфер общественной жизни – и соответственно еще большая степень их интеграции в целое.

Современное состояние сфер общественной жизни характеризуется слабой дифференцированностью, части целого выполняют пока слишком много функций, и делают это не лучшим образом. Государство зачастую выполняет задачи, которые должны выполнять культурная или экономическая сфера; в других обществах, напротив, экономика подменяет собой государственно-правовые и культурные влияния. Вред от переплетения сфер общественной жизни проистекает от того, что каждый из современных уже в некоторой степени специализированных органов общественной жизни имеет свои характерные методы работы. Точно так же, как копыта уступают легким в способности дышать, а сердце не способно копать землю, каждая сфера общественной жизни, подменяя другую сферу, образует болезненные образования, препятствующие правильному развитию целого. Чтобы представить себе правильное, здоровое функционирование общественного целого, необходимо понять эти модусы существования его органов, представить себе специфику их работы.

Триединая формула общественного устройства

Сначала кратко рассмотрим историю болезни в одном из общественных целых. Образованный класс русского общества, как известно, выработал для самодержавия лозунг-триаду: *самодержавие – православие – народность* (1832, С.С. Уваров; основные положения – у Карамзина, 1811; интересно, что в 1483 году первый великий инквизитор – Томас Торквемада – провозгласил государственный девиз Испании: «Народ, империя, религия». Здесь история повторяет математику – от перемены мест слагаемых...). Этот русский девиз обозначал: государственная власть в форме самодержавия, культурная жизнь, пронизанная и определяющаяся православием, и народная жизнь, определенная совокупность определенных хозяйственных укладов, форм быта и т. д.

Эта идея не заполнила идеологический вакуум России, оказалась по крупному счету бесплодной. В России победила революция, которая изменила детальное содержание каждого члена триады, но по сути эта революция создала общество, лишь более жестко и логично продолжающее тенденции развития старой России. В Советской России эта триада стала выглядеть иначе: *деспотическое государство – идеологизированное общество (культура) – государственная экономика*. Государство, ранее бывшее деспотическим по форме и несшее остатки былой патриархальности в содержании, изменило форму деспотии. Остатки патриархальности были выметены революционной метлой, при этом государственность проникла и в третий член народной жизни – в экономику. Народ уже не только должен был придерживаться государственной идеологии в обязательном порядке, он должен был еще жить государственно, хозяйствовать так, как это спланировало государство. Я не собираюсь здесь описывать детали процесса: понятно, что примат государства в экономической сфере существовал в России многие века, задолго до прихода к власти большевиков, это не их изобретение. Но понятно и то, что государственный контроль за экономикой в СССР был значительно усилен.

Довольно трудно понять, как устроена указанная триада после падения СССР. Исчезла общая для всех идеология, не стало каких-либо общепринятых позиций. Однако мне кажется очевидным, к чему склоняется «бессознательное» перестроенной России (вне всяких оценок – хорошо это или плохо). «Бессознательное» – поскольку в речах лидеров нельзя усмотреть вовсе

никакого сознания, не то что идей. Однако стиль жизни заставляет сформулировать следующую триаду: *демократическое государство – религиозная культура (религиозное общество) – свободная хозяйственная жизнь*. Я вовсе не хочу сказать, что такой порядок уже установился; например, что государство стало демократическим, а культура – религиозной. Я говорю лишь о равнодействующей, о том, что, как мне кажется, большинство общества принимает за желаемое или по крайней мере на чем это большинство готово помириться.

Действительно, это перелом по сравнению с революцией 1917-го. Если этот порядок (образца 1991-го года) установится в России, это будет перелом более радикальный, чем 17-й год. И эта триада очень похожа на западную модель, что лишний раз напоминает о том, что события 90-х годов являются продолжением длительного процесса вестернизации России. Разноречий, конечно, существует много. Современные «западники» находят в совершающемся действе прогресс (наподобие прутковского ханжи). Некоторые люди унаследовали от Советской России атеизм и противятся религиозной окраске культуры, упирая на то, что для Запада следовало бы написать так: *демократическое государство – индивидуальная (свободная) культура (общество) – свободная хозяйственная жизнь*. Иные, напротив, согласны помириться с религией, но хотят вернуть государственность экономики... Короче, единства нет, но компас, похоже, склоняется к указанной триаде (демократия – православие – рынок).

Как же следует оценить это преобразование, это новое сближение с Западом? Сделать это можно только в том случае, если мы сформулируем правильное отношение сфер общественной жизни, указав специфику действий каждой из них. Здоровым состоянием народного целого является следующее: *правовое государство – свободная культура (общество) – братская хозяйственная жизнь*. Именно такое состояние соответствует модусам работы каждой сферы. В таком случае, даже если триада выпечки 90-х годов (демократия – православие – рынок) победит, это не будет означать выздоровления общества. И если даже победит чисто западническая точка зрения и Россия станет «совсем Европой» – и тогда ее общество не будет устроено здоровым образом. Просто мы будем болеть вместе с Западом, за компанию. Чтобы утвердиться в такой оценке происходящего, рассмотрим, что характерно для функционирования каждой из общественных сфер в «идеальном», здоровом варианте.

Государственно-правовая сфера общественной жизни устроена для поддержания безопасности общества и регуляции в нем насилия. Для сферы права модусом существования является *равенство*, равенство перед законом. Поскольку речь идет о равенстве перед законом, сфера права живет справедливостью и формальностью. В любую область, в которую проникает государственно-правовая сфера, она вносит начала уравнительности, одинаковости, стремится к формальной всеприменимости своих установлений. Если же государство вмешивается в иные сферы общественной жизни, оно привносит в них характерные для него черты. Сфера правовой жизни стремится заставить подведомственные ей явления сохранять четкие границы, не сливаться, не изменяться, сохранять *status quo*. Правовая сфера выработала в себе в течение многих веков эволюции общества эти полезнейшие черты. Такими свойствами и должна обладать сфера понятий, имеющих четкие определения и хорошо различимых. Законы должны быть именно такими, чтобы они могли нормально функционировать.

Такие особенности государственной сферы вытекают из ее специфики. Государство есть материализованное право. Право в своем зарождении есть формализованный аспект обычаев народа. Все особенности жизни государственной сферы вытекают из того, что это есть формализованная мета-система описания определенного аспекта общественной жизни. Современное право больше не является «обычным правом», властью обычая, как это было в далекие века. Современное право стало метаструктурным самописанием (грамматикой), определенного аспекта общественной жизни. Как любое описание такого рода, право увеличивает жесткость структур общества, увеличивает их устойчивость – и тем самым делает их менее гибкими, менее способными к развитию. Это – плата за положительную особенность формализован-

ной системы: результативность в экстремальных ситуациях и способность к быстрым изменениям в рамках привычных воздействий. Только формализованное общественное образование государственного типа способно произвести мобилизацию, только такое образование может вести эффективные боевые действия. Плата за эту возможность выживания в ситуации «запланированного» кризиса, в ситуации стрессового воздействия, к которому система подготовлена, за быструю реакцию в привычном диапазоне воздействий – неповоротливость и замедленность реакций в непредсказуемой, развивающейся ситуации. Государство (в качестве жесткой системы) необходимо в дни войны и является тяжелым грузом в дни мира. Проникая в другие сферы общественной жизни, государство привносит в них привычные способы работы: пытается формализовать встречающиеся ситуации, выработать типичные способы ответов на типичные воздействия. Короче, как любая сильно формализованная система, государственно-правовая сфера идет по пути избыточной специализации. Законы должны быть именно такими – жесткими, общими для всех, и даже формальными, но для подвижных систем экономики и разнообразных систем культуры такое воздействие является вредоносным.

Отмеченная специфика государственной, правовой жизни далеко не случайна, это результат длительного эволюционного развития. Государства прошли длинный путь эволюции от зачатков протогосударств Древнего мира до ранних государственных структур типа Египта или Римской империи, до средневековых феодальных государств, а от них – к национальным монархиям и далее к империям и современным государственным образованиям, имеющим чрезвычайно развитый и специализированный аппарат управления. Первые государства были еще чрезвычайно мало специализированы. Государственный аппарат Римской империи зарождался как личное дело частного лица: чиновники были вольноотпущенниками Августа, его клиентами, членами его семьи. Не только в первые века империи, но практически до самого ее упадка подавляющее большинство чиновников (кроме самых высших, сенаторов и всадников) были рабами или вольноотпущенниками. Более того, служба в данной должности была наследственной; хозяин использовал раба в качестве чиновника, своего помощника, затем отпускал его на волю, а его сыновей, рожденных в рабстве и потому наследственных рабов, назначал замещать должность отца. В результате государственное управление было делом семейным – как для знатных патрицианских фамилий, так и для секретарей и помощников.

Можно сказать, что государство современного типа, с его профессиональными работниками и дифференцированными министерствами, постепенно выделялось из большой семьи влиятельного лица. Когда-то государство и право были личными делами тех, кто управлял этими сферами. Эта слабая специализированность древних государств часто ускользает от внимания современных исследователей, склонных приписывать древнему государству черты современного. В результате такого анахроничного понимания говорят о развитых бюрократических структурах в Древнем Египте или Древней Индии времен Маурьев, говорят о строгой специализации, жестком разделении функций, армии чиновников... Однако это сходство скорее по имени, чем по содержанию. Древние квазибюрократические структуры основывались на совсем иных функциях людей, чем современные, и были в значительной степени пронизаны клановыми отношениями, семейными связями. Еще и сегодня государственные аппараты стран Востока не являются организованными по вполне западному (строго-бюрократическому) типу, а две тысячи лет назад того, что мы теперь называем бюрократией, не было и в помине. Проще говоря, если при дворе некоего царя Додона был человек в чине конюшего, не надо полагать, что это то же самое, что нынешний начальник Генерального штаба. Так, канцелярии высших чиновников Византии размещались в их собственных домах. Посольства иногда отправлялись за счет посла, а сборщики податей были материально ответственны за сбор установленных сумм.

В древности, когда сферы общественной жизни были еще не так дифференцированы, проникновение действий одного общественного органа в сферу другого было еще не столь

опасно, как сегодня. Тем более что большинство учреждений государственно-правовой сферы выдифференцировалось из личной жизни людей, из их общей культуры. Первые германские государства образовывались на основе дружин, сообществ боевых друзей. Достаточно быстро это состояние сменилось более специализированными формами, но первые германские (и викингские) королевства были образованы не подневольными солдатами, не наемниками, не религиозными фанатиками, а друзьями, с соответствующим комплексом чувств – верность, взаимовыручка, критическое отношение друг к другу, равенство и т. д. Точно так же важнейший правовой инструмент – документ, удостоверяющий личность, – возник из греческого культурного обычая, ксении. Иногда люди, проживавшие во враждующих городах, сдруживались. И тогда они брали дощечку и ломали ее пополам, и каждый брал свою половину. И если через много лет к одному из них приезжал совершенно незнакомый человек, предъявлял половину дощечки с характерным изломом и рисунком, и говорил, что он – двоюродный племянник давнего друга хозяина дома, а в Фивы выбрался по делам, то получал он кров и защиту от недружественных горожан, становился как бы членом семьи приютившего его хозяина. Эти дощечки, перекупаемые и одалживаемые купцами и дипломатами у людей, связанных Ксенией, дружбой, и послужили прообразом документов, удостоверяющих личность.

Как это часто бывает в развитии организмов, черты, проявляющиеся на ранних стадиях развития, в случае каких-либо нарушений возникают у взрослых форм. Когда современное общество заболевает, у него проявляются детские, давно изжитые в здоровых обществах черты – власть снова становится личным, семейным делом. Сегодня ситуация иная: высокоспециализированные структуры государственно-правовой жизни, впадая в детство, грозят обрушить всю общественную жизнь. При смешении деятельности разных сфер в обществе возникают опасные напряжения, и огромные, развитые и даже переразвитые государственные образования, разрушаясь, грозят похоронить под своими руинами все общество. Современное государство достигло чрезвычайной степени развития, его институты очень дифференцировались, и теперь образ его действий попросту смертелен для культуры и экономики, когда проникает в их сферы.

Вот, например, способ образования правоохранительных органов, принятый в мусульманских городах VIII–IX вв. В городах существовали банды «плутов», или «молодцов», а попросту – разбойников, воровавших в городе и грабивших караваны. Разные банды соперничали друг с другом и подвергались преследованиям со стороны стражей порядка. Достаточно сильный предводитель банды мог расправиться с конкурентами и победить городскую стражу. После этого правитель города вручал ему печать и знаки отличия главы городской стражи, и его банда начинала грабить купцов на законных основаниях, посредством взимания пошлин. Защищаясь от конкурентов – нелегальных разбойников – такая стража выполняла свою «правоохранительную функцию». В случае же появления «чужих» разбойников, гастролеров, глава городской стражи, прекрасно осведомленный об особенностях местного городского «дна», эффективно вылавливал преступников. Иногда атаманы разбойников таким путем становились эмирами (история эмирата Саффаридов). Выделение мафиозной банды в полицейскую структуру происходит по естественным законам корысти и встречается и сейчас, однако такой путь создания правоохранительных органов не может быть признан нормальным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.